

РОВЕСНИК

11
1981

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Ноябрь, 1981 год, № 11

В НОМЕРЕ:

**«УЧИТЕСЬ ПИСАТЬ МАСЛОМ»
И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ О
СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ОБМЕНЕ
ОПЫТОМ УЧЕБЫ И РАБОТЫ
МОЛОДЕЖИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН**

С приближением зимы приятно вспомнить о лете. И не только потому, что это пора яркого солнца, зеленеющих полей и наполненных птичьим гомоном дубрав, теплых, как молоко, рек и морей, пора походов, рыбалок, спортивных состязаний. Для многих лето — желанная возможность временно переключиться на иную деятельность — лучший вид отдыха, как утверждает наука. В традиционной рубрике «Смотрите» читатели «Ровесника» познакомятся с фоторассказом о том, как провели минувшее лето студенты одного из интернациональных студенческих строительных отрядов. А на первой странице обложки — начало этого рассказа.

Фото Е. СТЕЦКО

4. «ДРУЖБА» НА ПЛАНТАЦИЯХ «МАЯКА»
6. С. Комиссаров. ...А ТУТ — ТАКОЕ НЕБО!
9. Нина Чугунова, Микхал Бергер. УЧИТЕСЬ ПИСАТЬ МАСЛОМ
12. Б. Михайлов. В САНТИМЕТРЕ — СТО МЕТРОВ
14. С. Федорина. ДНИ И НОЧИ СТЫДА
16. В. Симонов. АВТОМАТАМ НУЖНА ПЕРЕДЫШКА
19. Антар Катара Мберн. «Я ДОЛЖЕН ОБЪЯСНИТЬ, ПОЧЕМУ Я ПИШУ СТИХИ»
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Ал. Налоев. РАЗРУШИТЕЛИ СТЕНЫ
26. Катаро Нисимура. ШАНТАЖИСТ. РАССКАЗ
30. Поп Рэмбели. ГЕРОЙ ВСЕГДА В БЕЛОМ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБИШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Е. А. Гречук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 14.09.81. Подп. и печ. 22.10.81. А01451. Формат 84×108^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1496. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суховская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ХЕЛЬСИНКИ. Здесь прошел третий Фестиваль дружбы молодежи СССР и Финляндии. Теоретические семинары и дискуссии, митинги и дружеские встречи, концерты состоялись в городах нашего северного соседа. В центре внимания были вопросы координации действий молодежи в борьбе за сохранение мира в Европе, за создание безъядерной зоны на севере континента. В Обращении к молодежным организациям и молодежи Европы участники фестиваля выступили с инициативой проведения в 1982 году совместного марша мира и конференции в пользу превращения севера Европы в зону, свободную от ядерного оружия.

НИКОСИЯ. В столице Кипра состоялась встреча представителей студенческих организаций ряда стран, в том числе Советского Союза, Болгарии, ЧССР, Польши и Венгрии, посвященная солидарности с освободительной борьбой сальвадорского народа. Участники встречи приняли декларацию, в которой, в частности, говорится: «Мы требуем прекращения поставок оружия и всякой военной помощи сальвадорской хунте со стороны США, а также прекращения самонадеянных заявлений США о возможной американской военной интервенции в Сальвадор. Таким образом Соединенные Штаты пытаются придать конфликту международный характер, ставя под угрозу мир во всем мире».

ТОКИО. Молодежь все активнее выступает против американского военного присутствия на Японских островах. В крупных портовых городах страны состоялись массовые демонстрации протеста против захода американских военных кораблей с ядерным оружием на борту. Демонстранты осудили секретное японо-американское соглашение, предусматривающее подобные визиты, которое является нарушением конституции Японии.

На снимке: полиция расправляется с участниками мирной демонстрации в порту Йококусы.

СОЛСБЕРИ. Почти два миллиона юных граждан независимого Зимбабве сели за парты в новом учебном году. Как сообщило министерство образования и культуры, это в два раза больше, чем в прошлом году. Для самых маленьких школьников построены 145 начальных школ в городских районах и 130 — в сельской местности.

ХАТЬЕН. Сотни юношей и девушек из разных уголков Вьетнама приезжают в этот небольшой городок на юге страны. Здесь началось сооружение одного из крупнейших в республике специализированного рисоводческого района Хатьен, объявленного решением Центрального Комитета Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина ударной комсомольской стройкой. Путевки на эту первую в стране ударную молодежную стройку в сельском хозяйстве уже получили тысячи молодых людей. В течение будущего пятилетия им предстоит освоить около 11 тысяч гектаров плодородных, но заброшенных во время войны земель.

ЧИКАГО. Сотни демонстрантов, в основном студентов, собрались недавно возле здания Чикагского университета, протестуя против связей этого высшего учебного заведения с ЮАР. Участники демонстрации требовали прекратить американскую экономическую и военную поддержку расистскому режиму Претории.

САН-САЛЬВАДОР. В последние месяцы США резко увеличили объем военной помощи антинародной хунте Сальвадора. Пентагон поставляет войскам хунты вертолеты, гранатометы, фосфорные и напалмовые бомбы. Тем не менее сальвадорские партизаны проводят успешные операции во многих районах страны. Сотни солдат и офицеров правительственных войск переходят на сторону патриотов.

На снимке: эта винтовка американского производства захвачена сальвадорским партизаном в бою с войсками хунты.

МОСКВА. Недавно группа представителей французской молодежи совершила поездку на Байкало-Амурскую магистраль. «Во время этой поездки, — сказал на пресс-конференции, состоявшейся в КМО СССР, генеральный секретарь Движения коммунистической молодежи Франции Пьер Зарка, — наша молодежь больше узнала о Советском Союзе и об этой жизненно важной для нашей страны стройке».

БУДАПЕШТ. Венгерский коммунистический союз молодежи (ВКСМ) уделяет большое внимание организации досуга молодежи, в частности развлекательного художественного творчества. В Венгрии очень популярно хоровое пение — более 2500 хоров организовано в школах, в 1250 хорах участвуют молодые рабочие. ВКСМ активно поддерживает движение «Поющая молодежь», создан национальный совет хорового пения, регулярно проводятся фестивали. В Венгрии насчитывается также более тысячи самодеятельных коллективов народных танцев, действуют 1600 драматических кружков и студий, кроме того, много самодеятельных театральных коллективов успешно работает в институтах и армейских частях.

ТЕЛЬ-АВИВ. Израиль переживает один из самых глубоких и затяжных кризисов за всю свою историю, причина которого в крайней милитаризации экономики. Тридцать процентов бюджета страны уходит на военные нужды, еще тридцать пять — на уплату внешнего долга, причем долг этот с каждым годом растет. В результате в Израиле развивается инфляция, цены на многие продукты питания, жилье и транспорт лишь за один год поднялись на двести процентов. Все большее число граждан Израиля приходит к пониманию того, что только отказ от милитаризма и экспансионизма позволит решить стоящие перед страной проблемы.

На снимке: демонстрация в Тель-Авиве под лозунгом «Единственно возможный путь — мир».

«ДРУЖБА» НА ПЛАНТАЦИЯХ «МАЯКА»

Операция закончена. Расформированы отряды, бывшие под командованием Центрального штаба. Бойцы сменили куртки с эмблемой ВССО на «штатскую» одежду и заняли свои места в аудиториях, лекционных залах и лабораториях. Цель операции — помочь народному хозяйству в дни летних студенческих каникул — выполнена.

По установившейся традиции в составе Всесоюзного студенческого строительного отряда работают тысячи иностранных студентов, обучающихся в вузах и техникумах Советского Союза, и прежде всего студенты из братских социалистических стран. За последние десять лет школу третьего трудового семестра прошли около 40 тысяч студентов-иностранцев из более чем ста стран мира.

В этом году 3800 посланцев социалистических стран стали бойцами студенческих интеротрядов. Они работали на стройках СЭВ, возводили предприятия, жилые дома и школы в Сибири, Казахстане, Нечерноземье, убирали овощи и фрукты в колхозах и совхозах Молдавии, в Крымской и Астраханской областях, в Краснодарском крае.

Участие в работе стройотрядов для студентов из социалистических стран — это возможность ближе познакомиться с нашей страной, с жизнью ее народа.

Фоторепортаж нашего корреспондента Е. Стецко рассказывает о буднях интерССО «Дружба», работавшего нынешним летом в совхозе «Маяк» Новоаненского района Молдавской ССР.

...А ТУТ — ТАКОЕ НЕБО!

С. КОМИССАРОВ,
наш спец. корр.

Небо плотное, синее. Стертая лента дороги в желтой степи. Позади окладистые горы в снегу. Округленно-сглаженные хребты наворочены друг на друга. А впереди — степь без конца и без края. Далеко впереди она соприкасается с небом, и изгиб земли в линии их соприкосновения проступает так явно, что степь кажется бескрайней, а Земля маленькой. Там, за дугой горизонта, обрывалось аниз пространство, и, сколько бы мы ни ехали по дороге из Улан-Батора в Баганур, горизонт не придвигался, как будто машина стояла на месте.

Баганур. Это слово недавно появилось на карте Монголии. Здесь с помощью Советского Союза разрабатывается крупнейший в стране угольный разрез, мощность которого в полтора раза превышает всю добычу угля в МНР в настоящее время.

Рассказывает бригадир интернациональной бригады каменщиков А. Шепелев. Только я приехал из Союза, вещи оставил в общежитии, оформился, и прямо тут же мне выходить во вторую смену. Дают мне сразу бригаду монгольскую и первое задание — подготовить под фундамент траншею. Пришел в «свою» бригаду, представился, и не знаю, как начинать, — иностранцы же... Они на меня смотрят, я на них. Переводчик спрашивает: «Откуда?» — «Из Ставрополя», — говорю. Слово за слово, давай они меня расспрашивать, что да как. Сами сидят слушают. Сначала запинаясь я, а потом как пошло! Они же о чем спрашивали: кто мать с отцом, где учился, работал, чем вечерами занимался? В общем, самые простые человеческие вещи. Потом я глядь — уже девять часов. Это сколько же мы проговорили? Меня, знаете, как водой окатило: первое ведь задание! А траншея была приличной. «Ребята, —

говорю, — траншея-то!» — и за лом схватился, а он отскакивает от земли, как от камня, — промерзла вся. «Не волнуйся, — успокаивают они, — мы ее мигом выкопаем!» Костер развели по периметру и так врезали, что точно к концу смены успели. Вот так я первый день отработал в Монголии.

Все это Леша Шепелев рассказал мне потом. А сначала, когда мы, изрядно попетляв на «газике» по огромной территории Баганурского комбината между строящимися корпусами, труб, котлованов, подъехали наконец к стройплощадке, бригадире было не до интервью.

— Подождите немного, нам до обеда нужно раствор уложить, — сказал он мне и, наскоро познакомив с бригадой, ушел в пустой проем двери.

На участке пятеро советских специалистов и восемь монгольских строите-

лей. Вот те двое, укладывающие бетон на втором этаже, — Слава Якубовский и Ангалан. Гена Титов с Ганхуангом перетягивали повыше шнур, Леша Стороженько и Батжаргон загружали поддон кирпичами, Ангалан мешал раствор, Гамыдарь подавал его прямо на стенку и медленно проводил лопатой, оставляя ровный слой, Галсан и Яджа стояли на кладке. Особенно сработано двигался дуэт: Вася Гребченко, здоровенный, едва вмещающийся в робу, и тонкий, выскокий Монхоо в зимней шапке и темно-синем дэли.

Отточенными движениями мастера врезались в загустевавший раствор, кирпичи застывали на точно отведенном им месте, стены не торопясь росли навечно. Каждый из бригады был занят своим делом и, казалось, не замечал других, но, как в отлаженном механизме, был осмысленно и необходимо

связан со всеми. Из общего ритма, казалось, выпадал только бригадир. Он то прикидывал глазом свежую стенку, то командовал крановщику, куда подбросить кирпич или раствор, то хватался за мастерок и зачинал сложный угол, то помогал бетонить перемычку. Он проскальзывал в безостановочно работающий механизм несуетливо, не нарушая, а только уплотняя и поддерживая ритм его работы.

Со стены, куда я забрался, было видно, как среди степи, изрытой ямами, перечерченной трубами, два недостроенных шепелевских дома жались друг к другу. На залитом солнцем неоглядном пространстве гулял крепкий, холодный ветер.

— Здесь вокзал будет баганурский, прямая ветка от Улан-Батора, это дом для железнодорожников, — сказал мне Шепелев, когда бригада собралась на

обед и мы шли с ним вместе к автобусу.

Каска надета на зимнюю шапку. Сквозь задубелую кожу проступает румянец. Глаза тихие, голубые. Идет неторопливо, но широко и твердо, почти не двигая тяжело обвисшими руками. «Подкатывает» уже и тридцати пяти. Член партии, двое детей, жена хорошая, и здесь он уже пять лет. Строил Эрдэнэт.

В автобусе говорить пришлось больше мне: Леша Стороженко спросил о прошедшей Олимпиаде, и все ждали, что я расскажу еще что-нибудь о Москве, которую они не видели уже давно. Монгольские парни слушали и молчали.

Шепелев. Это они при тебе молчат, стесняются, а так обычно весело у нас, пока на обед и с обеда едем, да и на работе. Правда, заработаются когда, ничего им не надо, ни попить, ни пере-

кура — только поют по-своему, протяжно так. Не позови, не остановятся. Мы как привыкли — на ладони плюнул и пошел, только мастерки мелькают, но потом перекур. А монголов не остановишь. Я через это понял, какие они. У нас ведь как — поля. Выйдешь, на лугах туман утром стелется, но за полем — перелески. Подошел к березкам, отдохнул, и снова вперед. А у них степь бесконечная, не останавливайся, иначе ее не переехать никогда. Такое у меня объяснение, почему они так работают. В полтора раза норму перекрывают, а ведь полгода назад первый раз мастеров в руки взяли.

Рассказывает бригадир интернациональной бригады плотников-бетонщиков Н. Лунев. Ничего нет удивительного в этом, в нашей бригаде ребята-монголы и по двести процентов дают, а дело посложнее — мы столяры-бетонщики, любой строитель понимает, что это значит. Я думаю, еще одна причина есть, почему они так работают: время у них такое. Документальные фильмы видели про Магнитку нашу, про Донбасс? Лица там мелькают, фигурки передвигаются, знаете, в убыстренном темпе. Посмотрел я за этот год, что в Монголии, на здешнюю жизнь и понял, что в фильмах этих было за лицами на экране. Когда такое ускорение в народе, его ничем не остановишь. Как мы тогда — и экономику построили, и войну выстояли. И дело тут не в процентах — сто или двести — как их пересчитать на самого человека? Ведь он недавно совсем ничего, кроме юрты, коня и степи, не видел. В бригаде среди восьми монголов есть и такие. Помогаем им потихоньку, смотришь, парень вырос, специальность получил. А специальность всегда возвышает, особенно если по душе и если овладел ею.

Бригада Лунева готовила опалубку. Тут никакого ритма не улавливалось. Невысокий загорелый Хайсан отпиливал доски, Валера Ткаченко и Ханад подтаскивали заготовки, остальные сбивали опалубку. Готовую аккуратно составляли к забору. И надо было мне вставить насчет ритма в работе шепелевской бригады. Коля Лунев даже взвился: «Я ж вам говорю, что одно дело кирпичи складывать — хватай побольше, кидай подальше, а наше дело ума требует!» Луневская бригада работает рывками, иначе нельзя: привезут бетон — работа, нет машины — на опалубку. Потом я заехал в один из корпусов комбината, где Леша Родионов, Сухэбатор, Сурэнжав и Басанжав из луневской бригады бетонили пол. При мне подошел самосвал, но, пока я готовил фотоаппарат, они уже разбросали оплывавшую массу бетона.

Рассказывает Алтангэрэл, первый секретарь Баганурского райкома рессомола. Эти две бригады — луневская и шепелевская — у нас все время за первое место сражаются. И такие — интернациональные — у нас не только бригады, но и экипажи экскаваторов, водителей БелАЗов. Все у нас на стройке интернациональное.

(Говорит увлекаясь. Порывисто-стройный, жилистый, резкие движения, суженные умные глаза с морщинками. Говорит по-русски с акцентом, но неожиданно привычные, даже подзабытые, в московской разговорной стихии словечки из студенческого быта. Пишет летопись Баганура, прячет толстую тетрадь в столе под замком.)

Здесь ведь совсем недавно пустое место было, а сейчас целый город, почти десять тысяч жителей, уже четыре коренных баганурца появились — родились тут. Рабочие комиссии приняли уже около двухсот объектов, дома какие стоят! В общем, город растет. Уже действует пробный разрез. Но его пятьсот тысяч тонн угля в год — это капля по сравнению с тем, что Баганур будет давать в 1985 году, — 6 миллионов тонн!

У нас до революции грамотных-то было всего один процент, а сейчас каждый четвертый монгол учится. В юртах телевизоры переносные, техника самая современная. Но меня лично больше интересует вот что: ведь человек преобразуется стремительно, как он такой прыжок выдержит, что изменится в нем? В суте, бывает, не до этого, я среди наших ревсомольцев весь день кружусь, а вечером сижу в райкоме один и думаю: как меняются люди! Такого сочетания, чтобы сразу и наше исконное и совсем непривычное для нас, я нигде не видел. Это самое интересное.

Вот так. Каково теперь нашим баганурским ребятам, я прекрасно понимаю. Ведь в степи ты сам себе хозяин: хочешь — скачи куда глаза глядят, хочешь — пой, хочешь — отдохни. У нас тут в первое время целая проблема была — разбудить всех одновременно к началу работы. Конечно, они и раньше с зарей вставали. Тут другое: очень трудно привыкнуть к самой регламентации времени: в восемь работа, в час обед. Непросто чабану сразу строителем стать, тем более что здесь ведь не учебные классы: сразу дело нужно делать, да еще такое огромное. Они же совсем молодые еще, наши ребята-строители, жизнь только-только начинается. Как человеком, мастером стать? У каждого нашего работника есть советский наставник. И наши ребята поразительно быстро научились работать, это все говорят. Но это еще не все: мы на конференции ревсомольской районной постановили, что учиться надо не только профессии: весь ваш огромный опыт нам нужен, все буквально, как отдыхает человек, как одевается, что читает, чем интересуется. Вы шагнули так далеко и быстро, что не учиться у вас просто нельзя. Я сам видел, парень знакомый, на БелАЗе работает, вместе с напарником своим по экипажу — советским водителем — костюм пришел себе покупать, долго выбирали... Или вот придумали мы дни русской кухни, украинской и т.д. А потом наши бузы готовим, или бухэльмах, — это мясо по-монгольски. Танцы совместные устраиваем,

вечера разные. Ведь социализм и все, что нас объединяет, с самых маленьких вещей начинается.

Я тоже в аймаке родился, вместе с отцом отары пас. Школу закончил хорошо, послали меня к вам в Донецк, в горный институт. Не поверите, спать не мог, почернел весь. Встану ночью, в окно общежития гляну — все чужое. Думаю, хоть на минуту бы в степь выйти, нашего воздуха вдохнуть. Спать не мог: кровать мягкая, проваливается. Ребята догадались потом под сетку доску подсунуть. На вечер, помню, пошел первый раз. Жмусь у стенки, меня, конечно, утянули танцевать, а через полчаса так от музыки одурел, едва до своей комнаты добрался. Танцы хорошие были у нас в общежитии...

Шепелев. Частно говоря, я здесь иначе относиться стал ко всему, понял себя иначе. Раньше в Ставропольстрое работал как все. Грамоты получал. Здесь все другое. Здесь на тебя смотрят не только как ты работаешь, но и как со своими детьми разговариваешь, как с женой вечером погулять идешь. Смотрят и о нашей жизни там, в Союзе, судят.

Я вот иду утром на работу — каждый день Баганур на глазах меняется, стены растут, трубы новые. Но мы здесь больше делаем, чем просто строим. И привыкли уже — как будто дома. Кирпич тот же, мастерок, ребята свои. Рядом кладет стенку, не чувствуешь разницы, кто монгол, кто русский. И все равно гордость какая-то, что ты из Союза.

Лунев. Если хотите знать, монголы кому угодно фору дадут — в работе, например. Подучится только — и пошел, не угонишься. В них есть какая-то незаметная, скрытая сила. Наш Хайсан, например. Вы его видели — бетонщик, маленький, коренастый такой, а в шепелевской бригаде Вася Гребченко, вы его тоже видели, он запросто шпалу поднимает и в костер кладет. Пришел он как-то к нам: опалубку им надо было поставить. Стали мы уговаривать его побороться с Хайсаном. Вася предлагает — давайте уж сразу всей бригадой, по одному возиться не хочется. Уговорили-таки на одного, наш Хайсан эмг его одолел...

Монголы просто другие. Не хуже, не лучше, чем мы, просто другие. И это хорошо, какая сила получится, если соединить все наше и все их воедино. Посмотрите, как Баганур растет. Я чем больше работаю, тем больше своих ребят уважаю. У них сила огромная внутри, главное, ее раскрыть. В этом ведь смысл социализма — просто помочь стать народу таким, какой он есть. Мне кажется, мы здесь для этого и работаем.

Алтангэрэл. Вы спросите меня, что здесь сделали монголы, что советские — я не знаю. Все вместе, все сообща. Один план у нас, одно общее дело. И мероприятия обязательно и комсомольские и ревсомольские, праздники общие, конкурсы «Лучший по профессии», совместные обязательства

повышенные брали и к XXVI съезду КПСС, и к XVIII съезду МНРП. Видели наш город — вокруг степь, ни деревца. Так мы вместе с комсомолом решили — здесь будет город-сад. Как у вас по Маяковскому. Заложили питомник. Огромный. Деревья скоро свои подрастут. Приезжайте года через три — не узнаете этих мест. Все будет в зелени, а за городом водоем устроим.

Город наш встает невероятно быстро потому — это главное, — что мы вместе. Вот недавно мы монтаж огромного — у него в ковш машина входит — шагающего экскаватора завершили. По всем нормам для этого два года требуется. Здесь, в Багануре, советским и монгольским специалистам потребовался всего год. Это в вашем народе есть — взяться вот так вместе и не делить: это мое, это твое. Дело ведь общее. Мы привыкли говорить красивые слова о социализме, а за ними вот она — жизнь. Самому это не всегда так хорошо понятно. Или, например, что значит «человек человеку друг»? Этого мало, лучше сказать — брат. Я-то знаю, что это такое. Хотя бы по своим ребятам из группы знаю. Помогали они мне во всем, сколько занимались вместе. Ребята у нас в группе были... Сейчас они кто в Донбассе, кто где. Передать бы им привет от меня прямо через «Ровесники», может, прочитают...

Вот если бы приехали они сюда, в наш город. Увидели бы, какой он. У нас здесь новая жизнь, новая Монголия. Сколько писем получаем со всех концов с просьбой принять, сколько людей сразу приезжают, целые классы. Все рвутся к жизни настоящей, хотят построить эту жизнь. Я очень хочу, чтобы вы поняли это в моем народе, как он изменился, какие силы в нем пробудились. Вот полет в космос нашего космонавта: это ведь для вас стало почти привычным — космос уже освоен. Но для нас это как прорыв в будущее. Самая дерзновенная мечта была у арата — забраться в горы, а тут — такое небо!

Шепелев. Когда о полете совместном слышали, друг друга поздравляли, конечно. Но ребята-монголы, кстати, и виду не подали. Только врезали в таком темпе, что не угнаться. Это надо знать монголов, это у них радость так проявляется: внешне ничего, зато внутри хлопочет.

Лунев. А мы сразу космонавтов в свою бригаду зачислили. А что? Коллективы у нас одинаковые, интернациональные, только они на нас в космосе работают, а мы на них тут. Разделение труда.

Когда мы еще только подъезжали к Багануру, степь оборвалась так неожиданно, что корпуса заводов, башни и стрелы огромных кранов, появившиеся вдруг впереди на фоне далеких гор, показались мне миражем, возникшим ниоткуда. Но теперь, уезжая из Баганура, познакомившись с его строителями, я знал, какая сила преобразила эту степь.

Баганур — Москва

УЧИТЕСЬ ПИСАТЬ МАСЛОМ

Ирина ЧУГУНОВА,

Михаил БЕРГЕР,

Евгений СТЕЦКО (фото),

наши специальные корреспонденты

Людмила Подольская писала ландыши, и все смотрели, как это у нее выходит. Марцела руки за спину завела, как робкий экскурсант в зале итальянского Возрождения, а Радек руки приготовил: рукава засучил. На шестьдесят четвертом ландыше Людмила остановилась, сказала: «Учитесь» — и орудие письма, целлофановый кулек со сливочным маслом, протянула, конечно же, Радеку. И Радек Поспишил на глазах у восхищенной Марцелы Волковой рукой практиканта повторил узор.

Тут подошли блестящие, как на подбор, официанты и унесли витки из ветчины, типично чешскую закуску, украшенную согласно русской фантазии Людмилы Подольской. Может быть, они ушли, ступая по коврам, в зал, называемый «Ротонда»? Или в Чешский зал с фантастическими люстрами, очи как полное собрание стеклянных скрипичных ключей?

А дело было в ресторане «Прага», который стоит в Москве в начале проспекта Калинина.

Четырнадцать ребят — учащиеся второго курса профессионально-технической школы Чешского союза потребительских кооперативов Праги — приехали в Москву на производственную практику. Через несколько дней

столько же учащихся московского ПТУ № 41 поваров должны были отправиться на производственную практику в город Прагу, которая проходит в ресторане «Ростов».

Эта практика — мы имеем в виду обмен практикантами — стала доброй традицией. Почему к слову «традиция» так часто добавляют слово «добрая»? Ведь недобрых традиций не может попросту и быть. Потому что все хорошее в жизни — скажем так, всякое доброе начинание — надо всеми силами поддерживать, укреплять и развивать. Иначе начинание зачахнет. Хорошее надо обязательно делать традиционным. Начало традиции было положено в 1966 году, когда впервые обменялись практикантами Славянское сельское профтехучилище Краснодарского края и училище соответствующего профиля ЧССР. Чем хорош обмен практикантами социалистических стран? Объяснение можно начать с примера из жизни поваров и кулинаров, которой посвящен этот репортаж. Каждый повар и кулинар мечтал бы владеть своим собственным секретом, чтобы так себя и свое ремесло (а вернее, свое владение своим ремеслом, потому что это главное) прославить. У чехов есть для этого слово — «специалитет». Недаром же говорят: вот типично болгарское блюдо, а это — типично немецкое,

а это, видно сразу, приготовил прибалт. Значит, у каждого есть свое, отличное от других. А что оно — это особенное, отличное? Хотелось бы знать. И знать не нам, просто любопытным потребителям — пусть благодарным! — труда повара. Интересно знать другому повару. И если мастер, владелец секретов — настоящий патриот своего ремесла, он секретов, которыми овладел, тавить не будет. Вот еще пара слов, которые часто повторяются, — «овладевать секретами». Мы к ним привыкли. Это тоже стало доброй традицией. Учащиеся едут друг к другу через государственные границы для обмена опытом. Звучит не очень убедительно. Какой может быть опыт у молодых, неопытных кулинаров? Его и нет. Но он есть у старших, у мастеров-наставников. Они-то и интересуют начинающих поваров.

Вот Виктор Алимкин, опытный специалист «Праги», объясняет перед строем практикантов, что такое котлета по-киевски.

— Теперь вы знаете о ней все, — заканчивает он свое объяснение, — что знаю и я. Можете еще попробовать на вкус.

И это настоящий урок. Только посмотрев и попробовав настоящую работу, можно понять, как она сделана. Только после этого слово как напол-

няется тем смыслом, который не постигнуть, просто познакомишься с соответствующей рецептурой. Как же мне лично взять курицу и приготовить ту самую котлету, которая и есть котлета по-киевски. Она готова, пробуйте! Вот здесь и понимаешь, как образуются секреты мастерства. И начинаешь понимать, что такое опыт.

...Радек написал на хлебе маслом «Радек» и съел фамильный бутерброд. А Ярослав Поучир делал розу из свеклы и учился под управлением Людмилы Овчинниковой тому, что на их языке называется карбовкой. Людмила так сразу и спросила:

— Карбовать можешь?

И Ярослав кивнул.

— А перышки сможешь? — задала Людмила вопрос на засыпку, и снова Ярослав кивнул, не отрываясь от карбовки, и таки смог перышки (из лука)! Так они отлично поняли друг друга.

Старательная Марцела ответственно чистила яйца вкрутую. Очистить яйцо большого мастерства не надо, но попробуйте начистить их целую кастрюлю! — и руки Марцелы мелькали над кастрюлей. Роберт Сахр попробовал жюльен, подумал: «Не мало ли соли!» — но вслух ничего не сказал, попробовал еще. Марцела вымыла руки для нового задания, и тут мы подошли, лавируя среди кастрюль, и спросили у Марцелы, что она любит больше всего на свете.

Сквозь толстые очки Марцела посмотрела на нас большими на удивление глазами.

— Ватрушки, — радостно сказала Марцела и посмотрела теперь так: понятно ли сказала?

Мы поняли. Только вчера всех чешских практикантов учили в «Праге» лепить ватрушки. Так вышло по плану. Конечно, тесто делала машина. Машины в «Праге» умеют многое, например, нарезать ту же ветчину. И месить тесто умеют. Только ведь они не умеют и никогда не научатся любить ватрушки (полюбить свой труд, иначе говоря), как полюбила их Марцела, — бесповоротно, сразу, за все хорошее и плохое, что есть в них. Поэтому машина точное дело доверить можно, а красивое нельзя. А мы сначала поразились стародедовскому кульковому способу выведения желтых ландышей, а потом и мы поняли, что ближе к красоте должны быть руки. А прежде нас это поняла Марцела, которая руки за спину завела, как робкий экскурсант у полотна эпохи Возрождения (простит сравнение эпох?), когда Радек приступил к работе.

— Ведь я никогда такого не пробовала, — сказала Марцела про ватрушки, и ей можно только позавидовать без обиды: человек вчера узнал новое, и секрет нового разгадал, и полюбил новое, а секрет берет с собой домой. Одно непонятно: что любит Марцела еще больше всего на свете — лепить ватрушки из крутого теста или ее, горячую из печки, бросать с ладони на ладонь, как картошку в пионерском ла-

гере? Но мы не спросили Марцелу, не стали отвлекать...

В Государственном комитете по профессионально-техническому образованию СССР мы получили следующую справку. В настоящее время практикой обмениваются профессионально-технические училища СССР с учебными заведениями соответствующего профиля Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, ЧССР. Во время практики, сказали нам в комитете, учащиеся знакомятся с кабинетами и мастерскими, работают на рабочих местах, проводятся также профессиональные конкурсы и различные соревнования. Опыт шестьдесят шестого года развит и укреплен. Теперь в обмене участвуют юные представители самых разных профессий: машиностроители, электрики, железнодорожники, горняки.

— Плохо, — сказал свое личное мнение сотрудник, выдавший справку, Анатолий Павлович Каиров, — когда вырастает работник, умеющий лишь, как говорится, «хвалить свое болото», как тот кулик из поговорки. Может быть, это лишь мое мнение, но главная цель этих поездок — воспитательная. Люди, дети, должны видеть мир и знакомиться с товарищами по работе в других странах, потому что так скорее в человеке вырабатывается профессиональная гордость.

— Это очень хлопотное дело — организация обмена практикантами? — спросили мы.

— Да, — ответил товарищ Каиров. —

Но очень необходимое по причинам которые я вкратце изложил. Можете теперь обратиться к списку.

Обратимся к списку. В текущем году из города Хидистави Горинского района Грузинской ССР в город Ныредьхаза (ВНР) должна отправиться группа учащихся. Машинистки московского училища № 17 уже принимали учащихся ПТУ коммунального хозяйства из Берлина. Стекольщики из Туимазы (Башкирия) будут приняты в ПТУ «Глас Ильменади», ГДР. Обувщики Могилева побывали в Габрове и теперь знают, как в Габрове шьют туфли, и наоборот. В Ленинграде и в Стара-Загора, Болгария, побывали старозагорцы и ленинградцы, все представители славного цеха обувщиков. Список очень длинный. В отчете о проведении ознакомительно-производственной практики с социалистическими странами профессионально-технических училищ Литовской ССР в 1980 году и предложениях на 1981 год мы прочли, что «успешно была организована ознакомительно-производственная практика между средним профессионально-техническим училищем № 30 города Вильнюса и промышленным училищем № 100 города Мишкольца в Венгрии, причем каждый венгерский учащийся имел партнера по работе из Вильнюса». И наоборот, опять прибавим мы, потому что важно то, что партнерство было взаимным, а опыт такой, с партнером,

работы на рабочих местах (согласно справке) принадлежит теперь одновременно училищу Вильнюса и училищу Мишкольца. И что в Габрове не повторяют ошибок профессиональной молодости могилевцев, а повторяют лучшие образцы из работы И наоборот. Умножается лучшее. Так должно быть. В этом смысл партнерства, сотрудничества и традиции.

— Что такое хороший повар?

Так начал небольшую лекцию, введение в мастерство, Виктор Алимкин, молодой заместитель заведующего всем производством «Праги», опытный специалист и знаток своего живого, доброго дела.

Мы не смогли ответить. Мы знали, что такое хороший официант, по собственному опыту И, кроме того, если нам не изменяет «Плмятка официанта» главное — это то, чтобы официант «держал гостя в поле зрения». А что повар? Может быть, стоит сделать стены кухни прозрачными, чтобы посетитель наконец увидел кухню своего праздника и понял, что это сложное, хотя и не пыльное (ни в коем случае!), дело? Тогда все увидели бы, как старается Марцела, а Марцела — она бы улыбалась тогда весь день, и руки ее мелькали бы над кастрюлями и сковородами, и над белой косынкой бы изредка — в тех случаях, когда надо было бы ее слегка поправить для большей, совершенной красоты Марцели-

ной работы. А Радек? Он бы отлекался. Он соорудил бы рожу. Он отвернулся бы потом.

— Извините, почему у вас в кармане ложка?

— Эта? — спросил Виктор и вытащил из кармана хрустящего, как новогодний лед, халата чайную ложку. — Как зачем? Пробовать. Повар должен пробовать. (И Роберта Сахра никто не заругает за жульен — жульен получился отменный, и соли в самый раз.)

Виктор беспокоится как мастер, он не хочет, чтобы снизилась культура и упало ремесло в глазах клиента, чтобы вдруг оказались утеряны непередаваемые секреты. Хотя за «Прагу» нечего беспокоиться. Значит, нечего беспокоиться и за Марцелу с Радеком, за Роберта и Ольгу, и за Ирэну тоже. Сегодня опять, когда работа закончится, обед им подадут — а Радек будет тут как тут, он любит подавать — на летнюю веранду. Или в «Ротонду»? А люди думают — туристы, прислушиваясь к чешской речи. Они не знают, что накормил их сегодня вон тот, веснушчатый, он строит рожицы.

Нечего беспокоиться, но Виктор Алимкин с товарищами по работе сумеют передать своим практикантам прекрасное и необходимое беспокойство, черту мастера: как бы ремесло не оскудело, как бы не забылись секреты, не было унижено дело и мастерство не потеряло лица.

Алимкин постучал ложечкой и лекцию продолжил.

— Первое дело — санитария! Второе — культура оформления. Как помидорчик бросить, зеленцы пустить, чтобы было красиво.

— Не знаем, — сказали мы.

— Вот именно, — сказал Алимкин. — Знать надо как. Как бросить и как пустить. Тогда и будет красиво.

И ложка сверкнула у него в руке, как поварской стетоскоп, в руках человека, который знает как.

Где-то в зале радостные люди разом встали и сдвинули бокалы и крикнули: «Горько!» — и сели, вернулись к блюдам чешской национальной кухни.

Кто примет практику у сорок первого училища Москвы? Ярослав Лапка, мастер-кондитер в ресторане «Ростов». Он примет практику в кухне и в маленькой комнате с кулинарными книгами, и в зале, где недолго хранится приготовленное. И, проведя нас по кухне в день окончания практики, Ярослав Лапка, преподаватель практики, велит заглянуть в зал, уж полный.

В прошлом году в Москву привозжал со своим курсом Дональд Фоглер. Он научился делать котлеты по-киевски. В этом году Дональд сдал экзамен Ярославу Лапке. Разрешалось заглядывать в рецепты, известно ведь теперь и вам, что дело не в рецепте, хотя, конечно, Лапка не позволит отклонению от рецепта. Дональд экзамен на кухне «Ростова» сдал и унес в будущую, запыленную работой лишь частично жизнь рецепт котлеты по-киевски и те,

В САНТИМЕТРЕ—СТО МЕТРОВ

Вот уже более 20 лет СССР оказывает техническое содействие Кубе в области геологоразведки. В результате советско-кубинского сотрудничества открыты новые месторождения никелевых полиметаллических и медных руд и других полезных ископаемых.

Наш очерк рассказывает о двух советских геологах, вернувшихся недавно с Кубы — Юрии Лаврове и Валерии Ковалеве.

Рико не знает ни одного слова, кроме своего имени — Рико, что для говорящего попугая безусловный позор. Зато он может замечательно смеяться, плакать, покашливать, кряхтеть, свистеть и тому подобное, то есть издавать все человеческие звуки, которые не требуют знания языков. Они интернациональны.

Рико — кубинец. Его подарили «твердому» геологу Юрию Лаврову («твердый» — значит геолог-специалист по твердым полезным ископаемым в отличие от «жидких», которые ищут нефть и газ) кубинские коллеги и друзья, с которыми он три года ходил на разведку кубинских недр.

— Пусть Рико напоминает тебе о нас, — сказали на прощание, отдавая попугая Лаврову.

Многое в квартире Лавровых говорит об их «кубинском периоде», но больше и лучше всего сам Лавров.

— Во-первых, — Юрий вместо того чтобы загнуть, как мы к этому привыкли, мизинец на правой руке — это раз! — покачал его из стороны в сторону большим и указательным пальцами правой руки, как он привык к этому на Кубе. Эта манера — предмет постоянных домашних шуток. Жена Шура смеется над Юрием, тут же ее голосом смеется за занавеской на подоконнике Рико, а я вздрагиваю, потому что не видел, как рядом притаился попугай. Чудо заморское!

— Первый урок испанского, — рассказывает Лавров, — в гостинице «Сьерра-Мазтра», куда всех иностранцев привозят из аэропорта. Дают бутерброд и сок и говорят, как это называется по-испански. Почти по Павлову.

В «Сьерра-Мазтра» — центр размещения. На недолгое первое время наших специалистов селят в гостиницы «Линкольн» или «Бристоль». Этот беззаботный оргпериод,

когда определяют и уточняют место и характер предстоящих работ, когда готовят стационарное жилье в Аламаре — поселке для специалистов из социалистических стран, — мы называли «линкольнизацией» или «бристользацией», в зависимости от того, кого куда селят. Потом уже все переезжают в Аламар, расположенный недалеко от Гаваны, а оттуда — на работу по всей стране.

Режим такой. С первого по двадцать четвертое каждого месяца — полевые работы. С двадцать четвертого по первое — мы в Аламаре: обработка данных, отчеты, общественная работа, отдых.

Мало кто из нас в период среднего и старшего школьного возраста не собирался стать геологом. Мы видели себя неутомимыми исследователями, бороздящими с рюкзаками за спиной необъятные просторы и время от времени открывающими путем постукивания молотком полезные ископаемые. Современная геология знает множество более сложных и эффективных способов разведки и изучения месторождений. Например, аэромагнитный или космический. И тот и другой (благодаря программе «Интеркосмос») успешно применяются на Кубе. Конечно, и человек с геологическим молотком лицо далеко не последнее. Его работа кропотлива, как вышивание крестом. Изюм дня в день, километр за километром он осматривает, описывает участок, особо изучая естественные или сделанные человеком обнажения горных пород. Но это лишь звено в большом комплексе геологических изысканий.

— На карте мира Куба выглядит довольно скромно. Да и сами кубинцы любят говорить: «Мы — маленькая страна». Но при этом мы с Георгием Паком, моим напарником, летали на работу из Аламара в Гуаиморо, небольшой районный центр в провинции Камагуэй в 600 километрах от

Гаваны. И это был не самый отдаленный участок. Так что эта страна, если изучать ее не по глобусу, достаточно обширна, а в геологическом отношении еще и мало изучена. Отсюда одна из основных задач кубинских и советских специалистов — составление геологической карты страны. Пятидесяти-, а то и десяти тысячная съемка: в одном сантиметре пятьсот, а то и сто метров.

Руководители провинций, где работали кубинские и советские геологи, хотели быть постоянно в курсе дел наших геологических бригад (партии). С советскими геологами (не с нами конкретно) встречался руководитель государства и Компартии Кубы Фидель Кастро.

Интерес к нашей работе людей государственных вполне понятен. Больше нас поражало то, что буквально все население интересовалось нашими поисками, видами на будущее. И помогало нам как могло.

На Кубе все геологи. Хорхе, техник из нашей бригады, дважды в месяц читал лекции по основам геологии в закрепленной за ним школе. И так большинство кубинских специалистов, которым, в свою очередь, читали лекции мы. Это всеобщее геологическое обучение (его можно назвать «всегеообуч») делает метод так называемого народного поиска более результативным. Кто бы ты ни был по профессии, но если нашел что-либо интересное, принеси и покажи специалистам.

Кстати, одно из крупнейших месторождений меди на Кубе еще в 1928 году нашел крестьянин, копавшийся у себя в огороде. Обрабатывая землю, он обратил внимание на странный зеленоватый камень. Это была медь.

К сожалению, чудеса встречаются в строго ограниченных количествах, и случайных находок подобного масштаба больше не было, но народный поиск помогает составить общее представление о территории и строении ее недр.

Сопоставляя наши наблюдения и прогнозы с тем, что показывает народный поиск, мы получали более достоверную картину. А достоверность в геологии едва ли на самое ценное. И эта достоверность, к нашему сожалению, не сулила пока нашей бригаде ничего интересного.

Но чаще разведка давала более обнадеживающие результаты. В разное время и в разных местах с Лаверовым работала бригада «Пигиан — Гуинос» (бригады на Кубе получают названия от соответствующих населенных пунктов). Ей повезло с самого начала. Она получила «деланку» в месте, где еще в 1965 году советский геолог Покрышкин (брат легендарного летчика) обнаружил проявление важных полезных ископаемых — фосфатов. Но проявление — это еще не месторождение. И бригада, в которой работал Валерий Ковалев, получила задание оценить эти проявления.

Больше двух лет бригада изучала, описывала, картировала (вышивала крестом) участок в 600 квадратных километров. Двадцать на тридцать. Ковалев, обладатель одной из самых узких геологических специальностей — съемка и поиск, — был единственным советским специалистом в бригаде. Геолог он опытный, за его плечами десять лет работы на Камчатке.

С утра пораньше, чтобы успеть вернуться до наступления пекла, геологи отправлялись в маршрут. Проходили и описывали в день не больше десяти километров. По две-три точки описания на километр. Набивали рюкзаки образцами (своя ноша не тянет!). К часу Ковалев возвращался и ненавидел вентилятор в своей комнате за его бессилие перед тяжелым, влажным воздухом.

После обеда Ковалев описывал керн — цилиндрический кусок породы, извлеченный из земли с помощью бурового станка. Каждый день у членов бригады (всего около ста человек) накапливались вопросы. Надо было отвечать.

С наступлением вечерней прохлады Ковалев садился за камеральные работы (обработка полевых наблюдений). В благоприятной температурной среде засиживался за полночь, а с утра пораньше снова в маршрут. Недосыпал хронически, страдал от жары, но дело свое делал исправно.

Вместе с буровиком Марио Диасом («Ненормальный вроде меня, готов работать день и ночь») они проходили самый неудобный для бурения — то твердые, то мягкие породы — разрез. Вместе с выпускницей Гаванского уни-

верситета, секретарем организации молодых коммунистов в бригаде Эльбией Бош проводили геофизические исследования в скважинах, вместе боролись с организационными неурядицами.

Молодым кубинским ученым из Центра научных исследований Валерий помогал систематизировать материал для их диссертаций. Микропалеонтологам, стратиграфам (стратиграфия — наука о последовательности наслоений в земной коре) ощутимо не доставало опыта полевых наблюдений.

В один не очень приятный момент Ковалев обнаружил следы чьих-то козней, направленных против карт и других важных документов. В дом стали наведываться мыши и с удовольствием грызть бумагу. Тогда он привез из Аламара кошку Мусю. Она победила мышей. Ковалев не вернул ее хозяевам с их разрешения. И не столько из-за возможного повторения нашествия грызунов, сколько из-за того, что кошка всегда была атрибутом его родного дома. И потом каждый день Муся ждала его возвращения с маршрута. Когда в конце каждого месяца надо было ехать в Аламар, он брал Мусю с собой, чтобы она без него не скучала.

Разведка шла успешно. Месторождение тянулось дальше предполагаемых границ. Карты (спасенные Мусей), другие материалы полевых работ сопоставили с данными аэрогеофизиков, которые тоже обследовали эту территорию. Сопоставив, обнаружили еще один участок месторождения.

О Ковалеве писали кубинские газеты. Однако главную награду он приготовил себе сам. Когда прилетел в Москву, позволил себе затяжную рыбалку. Конечно, террапия, бляха тоже рыбы, но что может быть лучше подледной рыбалки! Только подледная рыбалка, которая длится долго.

— Мы воюем с марабу, — продолжает Лаверов, — этот колючий кустарник, плотно покрывающий отдельные участки, — настоящий биологический бич Кубы. Он мешал всем. И нам в особенности. Надо проводить топографическую съемку, а пройти нельзя. Специальный мачетеро идет впереди и рубит просеку. Очень дорогое удовольствие. Один погонный километр такой просеки обходится в переводе на наши деньги 600—700 рублей.

В первое время, вероятно от широты души и прилива гостеприимства, в марабу для нас рубили широкие, почти как узкая дверь, проход в 40—50 сантиметров. Потом мы сами попросили мачетерос — уж очень тяжелая эта работа — рубить так, чтобы можно было проходить боком. Правда, часть нашей одежды оставалась в таких просеках, но дело пошло быстрее.

Относились к нам очень дружелюбно. Многие в городе знали, кто мы и чем занимаемся, и здоровались при встрече. А где-нибудь в кафе или в клубе могли подойти совершенно незнакомые люди и предложить выпить пива «пара амистада» — «для дружбы».

Приближался Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В Гуайморо к этому событию было решено возвести новый отель методом народной стройки. Все предприятия и организации города участвовали в строительстве. За полтора месяца отель был готов. Мы тоже вместе со своей геологической бригадой строили его по воскресеньям. Так что к фестивалю мы имели самое непосредственное отношение, о чем и заявили на встрече с делегацией советской молодежи в Аламаре.

Подходил к концу срок нашей работы, но так и не было крупного, громкого открытия. Просто мы сделали к нему еще один шаг. Такой же трудный, как открытие. На языке отчетов это звучит так: составлено геологическое описание местности. По нашим материалам будет определено дальнейшее направление поисковых работ в этом районе.

Попугай Рико шумно и грустно вздохнул.

— Вспомнил родные края!

— Да нет, просто есть захотел, — объяснила Шура Лаверова.

— Он, может, уже все забыл и обрусел, — предположил Юрий. — Придется взять его с собой, если снова пригласят работать на Кубу.

смотрите!

ДНИ И НОЧИ СТЫДА

То, что вы видите на этих снимках, английские журналисты назвали «днем и ночью стыда» Великобритании. За две-три недели сотни ранены, тысячи арестованные. Дубинки, пластиковые пули и керено-паралитический газ для подавления «мятежников». Все это уже было — в южноафриканских, американских, североирландских гетто. Чопорная Англия, кичущаяся своими консервативными традициями, к подобному еще не привыкла.

Ужасно! Большинство из нас не поверило бы, что такое может произойти в нашей стране, — отрезгивала, не недавние молодежные бунты господина Тэтчер. Но разве «такое» могло не произойти! Бедь недовольство и негодование копилось годами. Пущен часовой механизм бомбы, которая вскоре взорвет сердца наших городов — в тот самый момент, когда молодежь перестанет молчать. Когда она выступит

против тех, кто с таким бесчувственным пренебрежением относится к ее проблемам». Слова эти прозвучали в английском парламенте еще до начала волнений. Предупреждение парламентария Дэвида Олтона никого не взволновало и ничего не изменило. Бомба взорвалась.

Английские телевидение, журналы и газеты полны пугающими обывателя кадрами и снимками — разбиты витрины магазинов, камни и бутылки с горючей смесью летят в полицейских, пылают дома. Но за все это время на телеэкранах не прошло ни одного репортажа из восставших гетто Манчестера, Брикстона или Ливерпуля, не было ни одного интервью с теми, кто не хочет и не может больше терпеть. Зрители не видят как раз того, что, возможно, позволило бы им понять суть происходящего.

В Токсете, самом центре Ливерпуля, остовы сожженных «бунтовщиками» зданий не режут глаз. Они лишь дополняют общую картину заброшенности и безнадежности. Этот район поразительно напоминает нью-йоркский Гарлем или гетто Белфаста. Такие же коробки старых кирпичных домов. Из каждых трех — два необитаемы, стекла выбиты, двери заколочены досками, крыши местами обвалились. Медленно умирающие улицы. Медленно умирающие надежды. Шестьдесят процентов молодежи Токсета безработные. Здесь живут самые бедные: белые, черные, цветные. Здесь жил Уэйн Линч, арестованный «за нарушение общественного порядка». Эрик Линч, его отец, объясняет:

«Уэйн не сделал ничего плохого. Но если полицейские забрали парня из Токсета, они найдут, в чем его обвинить. Вот и все. Недавно Эндрю, младший брат Уэйна, пошел на танцы в диско-клуб. Когда он возвращался, на него набросилась банда белых расистов. Стали избивать его. Рядом остановилась машина. Полицейская машина. Трое полицейских смотрели, смеялись, потом уехали. Вмешались две женщины, ждавшие автобуса, начали кричать, попытались оттащить напавших на Эндрю белых парней... Он вернулся домой весь в крови... Я пошел в комиссариат подать жалобу. Я сказал, что полицейские не помогли человеку, который был в опасности. Знаете, что мне ответили? «Но зачем он ходил в диско-клуб, твой сын?» Так мы живем. Мне знакомо все это с детства. С тех пор ничего не изменилось. Все говорят о безработице. Правильно. В этой стране на нашу долю приходится больше всего безработицы. Я говорю о людях Токсета, прежде всего о чернокожих, о таких же людях в других городах. Но дело не только в безработице... Мой дом здесь, я здесь живу более 30 лет, и я хочу остаться здесь. Но я хочу жить нормально. Я хочу иметь возможность выйти с женой из дома и чтобы никто не оскорблял нас. Мои дети зарабатывают немного денег, они имеют право потратить их по своему усмотрению

Я хочу, чтобы они могли спокойно выйти из дома и спокойно вернуться. И чтобы ни расисты, ни полиция не били их без всяких на то причин. Этого хочет большинство живущих здесь. Молодые не хотят больше, чтобы с ними обращались как с людьми второго сорта. И они правы. Ливерпуль построен нашими дедами, нашими отцами, нами. И мы хотим жить в нем полноценными гражданами. А что сделало для нас правительство? Ничего».

Иммигранты, приехавшие в Великобританию в начале 50-х годов с Антильских островов или из Индии, были тогда нужны для некавалифицированной низкооплачиваемой работы. Их дети, родившиеся в Великобритании и по закону являющиеся полноправными ее гражданами, мирились с ежедневными оскорблениями и ждали перемен к лучшему. Внуки остались и без низкооплачиваемой работы, им досталось только безнадежное ожидание.

Дни и ночи стыда Великобритании. Действующими лицами бурных событий этих недель стали беднейшие граждане страны, не только черные и цветные. Английская буржуазная пресса растерянно писала о большом количестве белых участников волнений. У «бунтовщиков», заявил министр внутренних дел Великобритании, «не было иных мотивов действий, кроме стремления к вандализму и грабежу».

По поводу «мотивов дэистгейн» достаточно сказать следующее: количество безработных в стране приблизилось к трем миллионам, лишь топороина выпускников нынешнего лета сможет найти работу; среди черных уровень безработицы в четыре раза выше, чем среди белых. Правительство Тэтчер, ассигнуя огромные средства на военные цели, сокращает рабочие места в больницах, на общественном транспорте, именно там, где использовался труд иммигрантов.

«Куда мы идем?» — вопрошает лондонская «Таймс». И в этом вопросе — почти нескрываемый страх: что, если в миллионах фунтов стерлингов убытка от уличных беспорядков отразилось нечто более серьезное, чем ожесточение, вызванное безработицей и расовыми конфликтами? Что, если это восстание против самих основ английского буржуазного общества?

Главный редактор журнала «Нью-сосаити» Поль Бейкер пишет: «Когда я был ребенком, в школьных учебниках треть карты мира была окрашена в цвет моей страны. Сегодня прекрасная мечта рухнула, и Северная Ирландия — яркая иллюстрация политического и экономического краха Объединенного королевства. Коротко говоря воспитанные на идее Великой Британии, сегодня британцы сомневаются во всем, начиная с самих себя».

Тревожные дни и ночи Великобритании. Для одних ее жителей — время стыда, страха и сомнений. Для других — пора гнева, боли и отчаянного протеста.

С. ФЕДОРИНА

АВТОМАТАМ НУЖНА ПЕРЕДЫШКА

Солнце еще катилось к зениту, но улицы задыхались от жары, и у отеля «Резорт» уже вытянулась длинная гирлянда автобусов. Вот очередной автобус подкатил к парадным ступеням, и из него высыпала толпа в расписанных майках, ярких рубашках, шляпках и платках. Наэлектризованная процессия проследовала мимо портье, мимо стойки администратора к двери с табличкой «Босиком, в халатах и шортах вход в казино воспрещен!». Толпу останавливал служащий казино, или, как их здесь называют, горилла.

Ждите. Мест нет, — сказал он. Какая-то дама шепнула спутнику:

Может, перекусим?

Не хватит, — ответил он.

На завтрак?

На выигрыш.

Автобусы подвозили все новых игроков. В городке Атлантик-Сити начинался новый день. Казино принимало гостей из окрестных городов, городков, деревушек и ферм — тысячи и тысячи искателей удачи.

А когда-то Атлантик-Сити был тихим курортным местечком: коттеджики в пастельных тонах, садики... Но это было давно, почти столетие назад. Однажды, правда, Атлантик-Сити уже пережил подобную популярность. В период «сухого закона» он был центром алкогольной контрабанды. С «внешними водами» спиртного в город нанесло гангстеров, бутлеггеров, мошенников и просто пьяниц. Город гулял. В чуму Великой депрессии здесь продолжали пировать — и пережили депрессию. Но с отменой «сухого закона» кончился расцвет, и город опять погрузился в дрему. Теперь Атлантик-Сити называют вторым Лас-Вегасом. Знающие люди — первым (хотя в городе пока функционирует лишь половина из всех намеченных к постройке казино, однако их доходы уже превысили все стандарты Лас-Вегаса). Газеты городка заполнены рекламой: «Вы мечтаете разбогатеть? Это совсем нетрудно...» И в Атлантик-Сити едут и едут автобусы, набитые желающими разбогатеть, и местные маршруты уже не справляются с перевозками. Казино за фрахтовали сто пятьдесят дополнительных автобусов.

«Резорт», наверное, самое популярное заведение городка, представляет собой огромный, с фут

больное поле, зал без окон. Сквозь матовые стекла льется мягкий свет. Бдительно поблескивают объективы ста телекамер. А внизу — человеческий муравейник, грохот, звон, скрежет игральных автоматов. Их сотни — во всевозможных вариациях и наборах. Пять центов, двадцать пять центов, доллар — одна за другой монеты проваливаются в никелированные щели.

Перед автоматом — старушка. Она стоит на коленях, глаза подняты к потолку, с которого на нее глядят телекамеры.

Визжит женщина. Рядом корзина с сэндвичами и муж-фермер.

— Хватит, Лиз. Пошли. Продаем, — говорит фермер.

— Продуй свои карманы, земляной червяк, — отвечает женщина.

Вдоль автоматов медленно бредет человек в канотье. Канотье склоняется у каждого автомата, и человек наблюдает за чужой игрой. Наконец он выбирает «счастливый» автомат, и монета исчезает за зеркалом панели. Раздается звон, бегут цифры, потом все стихает.

— Чертова кукла! — ругается человек и бьет по панели. Рядом вырастает горилла.

— Эй, шляпа! Стукнешь еще... — И груша кулака качается перед носом человека в канотье.

В другом ряду стоит парочка. Девчушка с Мики-Маусом на майке перечисляет:

— ...и авто, и колечко?

— Да, — говорит кавалер. — Но если просажу, в кино пойдем в другой раз.

По краям звенящего моря — островки тишины: зеленое сукно, поблескивающие рубашки карт и бесшумные круги сверкающих рулеток — совсем как в Монте-Карло. Но столы пусты. И здесь не встретишь фрак и не увидишь, как с каменными лицами проигрывают миллионы. И потом здесь не любят рулетку. Более 90 процентов посетителей «Резорта» стекаются к автоматам. Чем меньше ставка, тем больше ажиотаж. Люди толкаются, кричат, плачут, смеются — фантастический мир, здесь все кажется безумием. И игроки, словно рабочие конвейера, заступают к автоматам. Это вам не Монте-Карло. Сюда приходят не для того, чтобы просто пощекотать нервы. Здесь надеются заработать на жизнь. Чудаки мечтают даже разбогатеть. Правда, до сих пор сколотить состояние на автомате еще никому не удалось.

Солнце катилось с зенита, люди доставали из корзинок сэндвичи и подкреплялись тут же, у автоматов. Автобусы подвозили все новых игроков. Диалоги становились все динамичнее.

— Ты, с сэндвичем, жуй на улице и освобождай место.

— Дай выиграть.

— Все хотят выиграть.

Но выигрывают далеко не все. И только автомат всегда в выигрыше. Ежедневный сбор казино составляет 600 тысяч долларов. Аналогичные заведения Лас-Вегаса собирают намного меньше.

А все началось с простой и, как водится, «гениальной» идеи. Фирма «Резорт интернэшнл» решила создать «дешевое» казино, которое было бы по карману каждому американцу. Так в городке Атлантик-Сити возникло казино «Резорт». Вскоре вслед за «Резорт интернэшнл» к строительству казино приступили другие фирмы. Два года жители Атлантик-Сити боролись против легализации игорного бизнеса, ибо давно известно, что там, где казино, там мафия. Но борьба горожан не увенчалась успехом. В конце 70-х годов казино были выданы постоянные лицензии на бизнес. Правда, власти штата обещали не допустить мафию в Атлантик-Сити.

Но мафия была уже в городе. Семья Анджело Бруно прибрала к рукам прачечные, сбор мусора, службы вставки дверей и окон, доставки горючего и мяса, страхования, снабжения казино охранниками инкассаторов, клубы, бары, отели, мотели.

Город привлек внимание трех нью-йоркских семей: Карло Гамбино, Вито Дженовезе, Томмазо Лучизе. Что было дальше, легко угадать.

В один прекрасный день Анджело Бруно мирно беседовал с телохранителем, когда прохожий вытащил автоматический пистолет и разрядил в шефа мафии всю обойму. Вскоре четверо других известных мафиози оказались в городском морге. Началась война гангстеров. Присутствие мафии в городе ни для кого уже не было секретом.

Сенатор от Нью-Джерси выступил с заявлением: «Мы к чертовой матери выметем мафию из штата!» Была назначена комиссия по контролю над казино. Председателем комиссии оказался некий Джозеф Лорди, человек, тесно связанный с

семьей Дженовезе. Разразился скандал. Не успел он утихнуть, как стало известно, что у заместителя председателя тоже подмоченная репутация: совсем недавно его имя фигурировало в суде по делу о коррупции, в котором была замешана мафия.

Скандалы продолжают всплывать. Газета «Нью-Джерси таймс», например, называет имена пятидесяти высокопоставленных чиновников, непосредственно связанных с игорным бизнесом в Атлантик-Сити. Среди них прежний сенатор от Нью-Джерси, тот самый, который несколькими годами раньше назначил комиссию по контролю над казино и обещал «вымести мафию из Нью-Джерси». Теперь он служит директором в одном из казино города.

Губернатор Нью-Джерси выступил с речью, в которой заявил, что собирается подготовить законопроект, запрещающий государственным служащим «участвовать» в игорном бизнесе до истечения двухлетнего срока после отставки. Реакция служащих была мгновенной. Не дожидаясь появления законопроекта, многие из них подали в отставку: крысы бежали с корабля, взявшего невыгодный курс. Правда, законопроект так и не увидел свет.

В Атлантик-Сити все подчинено игре. Город напоминает сложный автомат, обрабатывающий людей: годовая выручка — 500 миллионов долларов. Доходы казино стремительно растут. Еще стремительнее растут цены. В городе «дешевых» казино дорожает абсолютно все: продукты питания, квартплата, такси, земельные участки...

По статистике две трети американцев увлекаются азартными играми. Из них 16 миллионов предпочитают игральные автоматы. Сорок пять миллиардов долларов ежегодно уходит из карманов игроков. Если учесть, что Атлантик-Сити расположен на территории, где сосредоточена четверть всего населения США, можно судить, на какую сумму могут рассчитывать владельцы игорного бизнеса.

Солнце уже постелило на океане оранжевую дорожку, и автобусы увозили людей. Редкие отдыхающие брели по пляжу. В «Резорте» все так же звенели автоматы.

Оставшиеся играют всю ночь. Под утро казино на часок закрывают: автоматам нужна передышка.

В. СИМОНОВ

«Я ДОЛЖЕН ОБЪЯСНИТЬ, ПОЧЕМУ Я ПИШУ СТИХИ»

Антар Катар МБЕРИ,
американский поэт

Я родился в Бронксе, одном из районов Нью-Йорка, через четыре года после окончания второй мировой войны, через два года после прихода эры маккартизма, постепенно уничтожившей в США малейшие проявления социалистических и демократических идей. Маккартизм также поднял новую волну расистского террора. Еще бы! Мой народ необходимо было «поставить на место» чтобы чернокожие, не дай бог, не вообразили, что победа над фашизмом в Европе приведет хоть к каким-то социальным и расовым изменениям в Америке. Короче, я был ребенком «холодной войны».

Семья у нас была большая — четырнадцать человек. Моя мать и отец родились и выросли на Юге. Переселившись на Север во времена Великой депрессии, они сохранили глубокую ненависть ко всем проявлениям расизма и очень скоро убедились, что расизм не является «единоличной собственностью» бывших рабовладельческих штатов.

Рядом с нами, черными американцами, жили пуэрториканцы, кубинцы, ирландцы, итальянцы и евреи. Между этими общинами на первый взгляд существовала гармония. Особенно среди детей. Мы все играли вместе — и черные, и цветные, и белые. Но едва мы достигли подросткового возраста, с моими белыми друзьями начали происходить странные вещи, суть которых стала мне понятна значительно позже.

Я помню трогательные и святые клятвы в вечной дружбе, которые мы, белые и черные мальчишки, давали друг другу. Это был торжественный ритуал: надрезав чуть-чуть руку, мы смешивали свою кровь, одинаково алую, в знак братства, которое должно было объединять нас всю жизнь. И главное — это было искреннее движение чистых душ, еще не отравленных ненавистью общества, в котором мы жили.

А что происходило потом? Что убивало радость человеческого общения? Почему дети оказывались мудрее, человечнее взрослых, но, увы, ненадолго? Что бы ответить на этот вопрос, мне понадобились годы, а чтобы объяснить происходящее в сознании американских детей изменения советским читателям я должен рассказать, как живут в богатейшей Америке обездоленные и как степень этой обездоленности и сама по себе, и не без помощи тех, кто в своих классовых интересах манипулирует общественным сознанием, порождает расовую ненависть.

Условия, в которых жила, а лучше сказать, существовала наша семья, как, впрочем, и большинство семей черных американцев, вполне можно сравнить с условиями жизни рабов. Так уж повелось в мире, что Америку принято считать богатейшей страной, а всех поголовно американцев — самыми обеспеченными людьми. Но если первое соответствует истине, то второе не имеет с ней ничего общего — это я вам говорю.

как американец совсем не для того, чтобы очернить свою страну. Я люблю ее, я горжусь ею, и мне больно за нее.

Ведь дело не только в том, что до пятнадцати лет я не знал, что такое кровать, и спал на тонкой подстилке из старых пальто, брошенных на холодный пол, а укрывался тряпьем. И не в том, что заниматься мне приходилось у свечи, так как в нашем жилье не было электричества. Дело в том, что рядом с этой унижающей человеческое достоинство нищетой — тоже унижающее человеческое достоинство расточительство и роскошь. Пользоваться для освещения жилища свечами в залитом неоновым светом Нью-Йорке! Уму непостижимо!

Продолжать дальше? У нас не было газа, и мать готовила на керосине. У нас не было горячей воды, а зимой, когда замерзали трубы, вообще никакой воды. Дальше? Пожалуйста! У нас не было жилья, никакого жилья! Дело в том, что отец, чтобы как-то прокормить семью, снял помещение для торговой конторы. Сколь внушительный доход приносил этот «бизнес», легко представить, если учесть, что на квартиру денег нам уже не хватало, и мы тайком ночевали в помещении конторы. Почему тайком? Да потому, что закон запрещает превращать деловые офисы в жилые помещения. Никогда не забуду, как по вечерам, после закрытия конторы, нам приходилось выходить из нее, а потом тайком прокрадываться назад. Не дай господи, если кто заметит наш обман, особенно домовладелец, мечтавший расторгнуть с отцом контракт. Ночью на окна нагромождались огромные картонные коробки; по субботам и воскресеньям, когда контора должна была быть закрыта, мы жили в буквальном смысле слова зажав дыхание.

Надо ли говорить, что мы не могли позвать к себе домой своих друзей. Приходилось оставлять их, придумывая различные причины, у порога соседнего дома. Мы входили в чужой подъезд, пережидая там, когда наши друзья уйдут.

Но разве все скроешь! Разве можно было скрыть, что на нас одежда с чужого плеча, что живем мы впроголодь, что... Все эти «что» наши соседи испытывали и сами, на собственной шкуре. От нас они отличались только одним: как бы плохо им ни жилось, они жили пусть и в жалких, но «квартирах», а мы... Ведь для кого, а для соседей наша «тайна» давно не была тайной, и это обрекало нас на бесконечные, подчас довольно злые шутки. Так устроено общество, в котором мы живем: достоинство человека измеряется степенью его достатка. И этот омерзительный закон действует даже в среде тех, кому бы, казалось, следует с презрением от него отказаться.

Но попробуй откажись! Для этого необходим и соответствующий уровень сознания, и понимание, кому выгодно. Чтобы бедняки с презрением относились к тем, кто еще беднее. А отсюда, понятно, недалеко до расовых раздоров. Словом, став постарше, дети забывали свои

клятвы, зараза расизма одолевала их.

В конце третьего класса согласно «экспериментальной» программе расовой интеграции я был переведен в школу, расположенную в «белой» части города. Будучи «экспериментальным» ребенком, я обязан был стать одним из лучших учеников с безупречным поведением, чтобы открыть двери школы для своего народа. На мои детские плечи легла тяжелая ответственность. Школа была в двух милях от дома. Никогда раньше вокруг не было стольких пронзающих меня враждебными взглядами белых лиц! Сказать правду, я был до смерти перепуган и долго не мог побороть в себе этот страх. Мне казалось, что я единственный черный американец в этой школе. Сегодня я думаю, что, наверное, там были и другие негритянские дети, однако в моей памяти сохранился лишь я в окружении враждебных, постоянно готовых к насмешкам лиц. Хотя мои знания доказывали обратное, меня считали странным и неполноценным. Школьники и учителя открыто оскорбляли меня. Некоторые просто не замечали моего присутствия. Всякая пропаша оборачивалась для меня обвинениями в воровстве, а когда «украденную» вещь находили, об извинении не было и речи.

Могут спросить: а какое имеет отношение все то, что я рассказываю, к поэзии? Самое прямое, во всяком случае для меня, потому что действительность, а не какие-то там заоблачные дали, действительность с ее противоречиями, бедами и радостями может и должна быть предметом поэтического осмысления.

Я не могу себе представить поэта вообще, и сам я — поэт своего народа, бед и надежды которого — мои бед и надежды, составляют единственный смысл моих стихов. При этом мне кажется, что поэт всегда должен быть аккумулятором надежды, искателем се проблесков в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Чтобы нагляднее проиллюстрировать эту мысль, я позволю себе привести небольшой отрывок из своей поэмы «Город печали» — о впечатлениях прошедшего в Нью-Йорке детства, с которым я уже познакомил читателя.

...Я вижу тебя
снова и снова
на скрещении улиц,
ты улыбаешься мне,
твои огромные глаза искрятся
из-под пестрых лент,
идут годы, но ты снова здесь,
на ступеньке пожарной лестницы,
над вывеской бара
в квартале, где мы жили детьми.
Иногда ты выходила из дома
в ярком платье с диковинными

цветами.

роза Пуэрто-Рико,
расцветающая в Нью-Йорке,
чистая, неземная
Ты снова со мной сегодня,
ты, чья жемчужная женственность

связывала руки мужскому
ожесточению,
легкое прикосновение канифоли
к смычку красоты, проведенному
по туго натянутым струнам
классной комнаты
скованной ненавистью и страхом;
белым страхом болезненно
стиснутых рук,
тянувших на себя чашу расового
неравенства
вверх, вниз
Я знал, я всегда внизу,
черное зерно, брошенное этим
городом
в соленую борозду ненависти,
ненависти, которой еще
предстояло расти...

Стихи я начал писать в шестом классе. Два обстоятельства, для меня очень значительных, сопутствовали этому. Именно тогда у нас появилась белая учительница, душа которой не была изъязвлена расовыми предрассудками. Помню, я получил задание прочитать поэму некоего Элиаса Любмана (или Либермана?) «Я американец» и написать сочинение на ту же тему. Прочитав поэму, восхвалявшую борьбу первых в Америке тринадцати штатов против колониального владычества и рассказывавшую о войне за независимость, я был потрясен несправедливым пренебрежением к роли негров в истории Америки. «В ней не говорится ни слова об участии моего народа в войне», — думал я. Люди, первыми сложившие головы на поле битвы за независимость, не удостоились даже упоминания! В глубоком возмущении я написал в качестве ответа свое первое стихотворение «Я черный американец». Описывая героическую борьбу черных американцев, я рассказывал о тех же событиях. Я хотел исправить искаженную поэмой историю Америки. По просьбе учительницы я прочитал свое стихотворение на уроке. Мои белые одноклассники в один голос принялись обвинять меня в том, что я плохой патриот. Отвергая это несправедливое обвинение, я написал стихотворение «Я гордый патриот», яростно защищая в нем свою точку зрения: настоящий патриот не может скрывать или не признавать историческую правду о роли моего народа в освобождении и развитии страны. Я прочитал и это стихотворение. Учительница сказала, что я прав: борьбу с английскими колонизаторами вел весь американский народ, белые и черные американцы.

Я не переоцениваю значения этой победы в борьбе за историческую справедливость, но для меня, черного американца и начинающего поэта, она значила очень много. Вот почему я никогда не забуду своей белой учительницы и обстоятельств, которые помогли мне понять, что дело не в цвете кожи, а в жизненной позиции. Этому же учили меня своим примером и мои родители. Сознание собственного достоинства? Да! Тысячу раз да! Националистические предрассудки? Нет, никогда! Эти уроки по-

могли определить течение всей моей жизни

В 60-х годах, в эпоху движения за расовое равенство и гражданское равноправие, я снова стал писать стихи. Эти годы вывели поэзию моей страны из духовного упадка. Вопрос о социальной ответственности и гражданском долге поэта любой национальности — о борьбе против расизма и национального угнетения — был поднят вновь.

Брошенный этим движением вызов пробудил к жизни и дремавшие до той поры культурные силы. Национальную известность приобрели поэты — борцы против войны, поэты-женщины, поэты, принадлежащие к различным угнетенным меньшинствам: чиканос, пуэрториканцы, американские индейцы, выходцы с островов Карибского бассейна и принадлежащих США островов в Тихом океане; поэты, посвятившие свое творчество рабочему классу. Многие из них выступали впервые, и голоса их звучали по-новому. Назову только некоторых: Джеймс Стилл, Энн Садовски, Марго Боженон, Ралф Сторм, Хорхе Коулмен, стихи которых вошли в антологию «Сквозь открыто — скажи свободно».

В произведениях этих поэтов отражается, хотя и в разной степени, глубоко осознанное чувство социальной и гражданской ответственности. Вот что писала по этому поводу уже упомянутая мною Энн Садовски: «В своих стихах я хочу выразить прежде всего себя, свой народ, все, без чего невозможна жизнь, все, о чем мы мечтаем. Я стою за искусством для народа. Разве не его потом, кровью и слезами создана эта Америка? Только благодаря такому искусству сможем мы снова вернуть Америку ее народу».

Окропленно говоря, я не смог бы яснее и проще сформулировать задачу, которую ставлю перед собой как поэт. Я бы добавил только, что я пишу для людей многих рас и национальностей, для рабочего класса и демократических сил моей страны и всего мира. И я пишу вместе с людьми, чей труд создает благосостояние нашей страны и чье классовое сознание все активнее влияет на ее общественную мысль.

Твердо веря в художественное и социальное призвание поэта и поэзии, я принимаю марксизм-ленинизм как путеводную звезду своего отношения к жизни и своей поэзии, как единственную основу для граждански значимого творчества. Для меня было бы невозможным думать о поэтическом творчестве, не связывая его с политикой. Поэзия — для кого? Для чего? Против кого и против чего? От чьего имени и в чьих интересах? Неустанные попытки ответить на эти вопросы, я надеюсь, находят отражение во всех моих поэтических произведениях. Перед всеми людьми, моей страной, классом, народом и мной самим стоит несколько насущных, нерешенных проблем: борьба с милитаризмом, за мир и прогресс; борьба с угрозой всеобщего уничтожения в ядерной

войне; борьба с классовой и расовой дискриминацией, против национального угнетения; борьба против загрязнения окружающей среды, борьба с духовным, культурным и интеллектуальным отчуждением, ставшими прямым результатом империалистической политики и кризиса капитализма.

Поэт обязан найти свое место в этой борьбе, поэт обязан помнить об опасностях, нависших над другими народами, о страданиях других народов по вине империализма и напоминать об этом своему народу. Особенно необходимо это американскому поэту, потому что за многими опасностями, нависшими над миром, за многими страданиями в мире стоят империалистические силы моей страны.

И я и другие поэты Америки не могут забывать об этом. Мы обязаны внести свой вклад в борьбу против преступлений капитализма — в этом, по моему, сама сущность поэзии и жизни, в этом наш поэтический долг: быть активными борцами за счастливую жизнь, свободу, мир и прогресс, быть стойкими проводниками идей дружбы между народами и государствами.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел бы сказать, отвечая на вопрос: «Почему я пишу стихи?», объясняя не только вам, советским читателям молодежного журнала, но и себе самому, что вдохновляет меня на творчество. Нельзя считать мой ответ исчерпывающим, да я и не считаю его таким, но мне хочется, чтобы главный вывод из всего сказанного был таким: человек, если он хочет быть человеком, не может оставаться равнодушным к несправедливости и лжи, расизму и эксплуатации, человек не может не чувствовать боли и страданий человечества и не может не стремиться по мере своих сил и возможностей бороться за счастье людей, за их будущее.

Избрав орудием этой борьбы поэзию, я не хочу, чтобы меня и мое творчество можно было обвинить в безответственности и равнодушии. Я не хочу, чтобы жители каждого из сотен Гарлемов моей страны показывали на меня пальцем, обвиняя в сообщничестве с голодом и бедностью. Я не хочу, чтобы рабочие моей страны говорили о том, что моя поэзия осталась глуха к их страданиям и борьбе. Я не хочу, чтобы народы Африки, Азии и Латинской Америки, поэты которых не раз поднимали свой голос в защиту моего народа, могли обвинить меня в неблагодарности. Я не хочу, чтобы мои — известные и неизвестные — друзья из Советского Союза, Болгарии, Кубы, ГДР и других социалистических стран могли сказать, что, зная об их бескорыстных подвигах во имя светлого будущего человечества, я хранил молчание, когда правящий класс моей страны пытался оболгать, оклеветать их.

Вот почему я пишу стихи.

Перевел с английского
О. ЕФИМОВ
Стихи в переводе
Р. ДУБРОВКИНА

некулинарные секреты, о которых мы сейчас и говорим. Ярослав Лапка Дональд запомнился поведением на кухне — похвальным вниманием к делу. Во время экзаменов Лапка изредка кивал согласно, наблюдая. Целый обед должен был приготовить Дональд (как видите, есть разница между методикой преподавания дела на кухне «Праги» и в «Ростове») от начала до конца. И он готовил, после чего обед ушел в зал. Раньше для Дональда было большой проблемой даже и приготовление такого простого — а иные скажут: простейшего! — соуса, как бешамель. А теперь и Дональд скажет, что бешамель — это очень просто. Однажды он хотел дома приготовить китайский специалитет... Хорошо, что посуду моет мама. Дональд придумал меню, которое устроит любого: консоме, молодой картофель... дальше продолжать? Но Лапка уже кивнул согласно, одобрительно. Неплохо. Сдержанно. С большим достоинством. Сам он считает, что повар должен готовить минимум пятьдесят блюд. Хороший — сто. А сам Лапка?

— Все, — сказали нам о нем. — Все блюда всех времен и народов. Наш Ярослав получил медаль еще в тридцать шестом году в Париже на выставке за приготовление сладкого.

А Ярослав Лапка улыбался, вспоминая это.

— Надо ровнее нажимать. Смотри. Вот так. Нажимай и веди, веди.

Опять все собрались, сгрудились и смотрят, а кто-то дышит кому-то в ухо, а тот и не чувствует.

Из-под железной загогулины выходят, скручиваясь и кружась, масляные завитушки. Марцела, окрыленная вчерашними успехами, — понятно, она любит то, что получается, а то, что получается лучше, любит больше всего на свете, — попробовала. Не получилось. Роберт попробовал. Никак. Тогда мастерица из «Праги» взяла Марцелину руку в свою и стала вести ее так, как учат в первом классе писать ровные палочки.

— Вот, отлично.

А когда человека хвалят, он может гору своротить.

И бросила на весы. Ура! — обрадовались все. Вес взят. Ровно двадцать граммов.

— А нельзя ли попроще? — спросили мы, досыта нагледевшись.

— Можно, — ответили нам все мастера и мастерицы «Праги», — только это будет некрасиво.

Пока мы разговаривали, компания гору своротила. Нож гофрированный для масла, приспособления для пущей красоты, привезен в «Прагу» из Праги.

— А я помню, — сказала Людмила Подольская, — как мы нашу «Прагу» мыли, чистили! Когда ее открывали заново к годовщине освобождения Праги. Помню.

И Марцела посмотрела внимательно. А внизу начала подниматься по ступеням, построенным Метростроем, свадьба на самый четвертый этаж...

РИМ. ГОРОД ДЛЯ ПЕШЕХОДОВ

«Мужайтесь, сеньор мэры, — писала одна из римских газет. — Наберите в легкие побольше воздуха и отправляйтесь в центр Рима, если вам, конечно, удастся туда пробраться». Но мэра не надо было долго уговаривать: созданная им группа экспертов внимательно изучила состояние древних построек и вынесла решение о немедленной их реставрации. Правда, идея эта витала в застоявшемся воздухе давно, но была похоронена в кипе бумаг, да и денег прежние мэры не находили. И только нынешний мэры Рима, коммунист Луиджи Петроселли, искал и средства и возможности для реставрации памятников эпохи Цезаря. Это только первый этап комплексного проекта, предложенного мэром и поддержанного археологами и искусствоведами: превратить центр города в зону для пешеходов и тем самым предохранить древние здания и скульптуры от вредного воздействия сотрясений почвы и выхлопных газов.

НОВОСТИ МОДЫ. Страшная битва потрясает ныне косметический рынок США — только ресницы да волосы летят. Сражаются две компании по производству косметики для детей. Компания «Тинкербелл» («Мы всегда были принципиальны: никаких теней для век, никаких румян — девочкам от трех до пяти пристойно пользоваться лишь тушью для ресниц, пудрой да губной помадой») бросает все новые силы для борьбы с компанией «Ремко», которую подобные предрассудки не терзают — ассортимент их больше, следовательно, и прибыли. В бравурной музыке реклам, перебивающих невинные мультяшки, совсем уж не слышен голос педнатов, которые утверждают, что косметика портит нежную детскую кожу, да и вообще как-то детям ни к чему. Но компаниям не до детей: дело-то серьезное!

А ЧТО РИСУЮТ?

А что еще может рисовать этот молодой абориген, продающий свои картины у входа в художественную галерею Сиднея, как не традиционные орнаменты своего народа? Ведь только такое — экзотика! — покупается туристами. Традиционное искусство аборигенов — поделки из камня и кости, рисунки, вышивки — давно превратилось в предмет гордости частных коллекций и музеев, в предмет спекуляций на черном рынке. Поделки эти стоят баснословных денег. Правда, аборигенам из них не достается почти ничего.

ОЛОВЯННОЕ ЭЛЬДОРАДО

Когда-то, много-много веков назад, финикийские купцы называли Британские острова Оловянными. Рудники Корнуолла прилежно снабжали невеликий тогда средиземноморский мир серебристым металлом — в песке и слитках, кому как нравилось. Но прошло тысячелетие, и оловянные запасы Британии истощились. А олово было очень нужно, ведь в то время ели только из оловянной посуды...

Сегодня из олова делают масляные и воздушные фильтры для автомобилей, части для теле- и радиоприемников, олово — надежное средство против ржавчины. А крупнейший в мире экспортер этого металла — Малайзия. Тысячи тонн его проходят сквозь пальцы рабочих долины Кинта. Женский труд здесь исключительно дешев, зато работа, которую выполняют женщины, исключительно тяжела: промывать песок и отделять драгоценные частички олова. А песок этот доставляют им их мужья, которые ныряют за ним на дно океана и поднимают на поверхность в кожаных мешках, привязанных к поясу.

ЗАВТРА ПО БРАССАНСУ

Почти тридцать лет длятся добрые отношения Жоржа Брассанса с публикой. Его имя — одно из немногих во французской встраде, пронесенных с неизменным уважением. Возможно, потому, что Брассансу в высшей степени присуще чувство ответственности перед своей популярностью.

«Всю жизнь бороться за то, чтобы завтра быть лучше, чем сегодня, — говорит Брассанс. — И если все люди будут поступать так, то и наше общее завтра будет лучше, чем наше общее сегодня. Рецепт вроде бы прост, но на самом деле труднее ничего быть не может».

«КАРАВАЙ» ИЛИ НЕ «КАРАВАЙ»?

Неизвестно, что пели участники этого удивительного хора — скорее всего каждый свое, потому что все равно ведь не слышно, что поет сосед. Такое путешествие — гуськом и в одиночку — можно теперь совершить в первом в мире подводном национальном парке Бак-Айленд у берегов Флориды. Здесь запрещены гарпуны, сети, ружья. Только съемочные камеры и на всякий случай ножи. Потому и рыбы здесь постепенно приучились не шарахаться от людей.

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ. «Домашний доктор» обходит квартиры и выписывает рецепты, в которых чаще всего встречаются слова «герметизация» и «теплоизоляция», что на языке непрофессионалов означает: необходима обивка дверей, замазка щелей, вставка двойных рам... «Доктор» лечит дома, «страдающие» утечкой тепла. «Домашние доктора» появились в США совсем недавно — пошел первый год их «медицинской практики». Предполагается, что за этот год «доктора» посетят более миллиона американских семей. Как и всякая медицинская услуга в США, подобный визит стоит недешево — от двухсот до четырехсот долларов, но что делать: благодаря «лечению» утечка тепла сокращается на двадцать процентов и соответственно на двадцать процентов сокращается «утечка» денег из семейного бюджета на отопление. А это немалые деньги.

НОВОСТИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ. Имя известного всей Европе испанского гангстера Элутерно Санчеса по кличке Эл Луте вновь замелькало на первых страницах газет. Чем же теперь вызван интерес к этой личности? Приговоренный в общей сложности к тысяче годам заключения, Луте решил не терять времени даром и погрузился... в «научную работу». За «выдающиеся успехи в области права» правительство решило простить гангстера и издало указ о помиловании. В настоящее время Луте продолжает напряженно трудиться в коллегии мадридских адвокатов, где ему выделен отдельный кабинет, и одновременно дописывает мемуары. Так что, судя по всему, в Европе о нем еще услышат.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Пасмурным октябрьским утром 1941 года группа английских ученых высадилась на пустынном берегу острова Гриннар, отделенного от Шотландии 600-метровым проливом. Они привезли с собой небольшой сосуд с клейкой полупрозрачной жидкостью.

Первыми погибли козы. Потом вымерла вся растительность. Это были первые испытания биологического оружия. Спустя несколько лет Гриннар решили тщательно обследовать. Выяснилось, что ядовитые вещества отсутствуют на поверхности острова, но зато сохраняются в почве на глубине 15 сантиметров. Сегодня специалисты предлагают удалить всю почву до глубины одного метра. Но это будет стоить несколько миллионов фунтов стерлингов, и английское правительство никогда не выделит такую сумму. Поэтому решили — бог с ним, с Гриннаром.

РАЗРУШИТЕЛИ

Ал. НАЛОЕВ

е приведи судьба к тому, как гибнет в столкновении с этим расчетливым и безжалостным миром первая любовь!

Так пусть же взрываются его уютные стены, пусть взлетают в небо изуродованные остатки всех этих непеременимых аксессуаров роскошной жизни — картины, бутылки с виски, комфортабельная мебель. И еще! И еще! И еще!

Но это только видение девушки потерявшей любимого. В действительности все остается на своих местах — и прилизанный особняк, и бассейн, и спортивные автомобили, и аккуратно подстриженные газоны. Куда бежать от этого показного, пресыщенного благополучия?

Картину нелепого мира, показанную известным итальянским режиссером Микельянджело Антонioni в фильме «Забриски Пойнт», сопровождает нелепая, тягучая музыка. Она принадлежала популярной английской рок-группе «Пинк Флойд».

Путь этой группы в какой-то степени

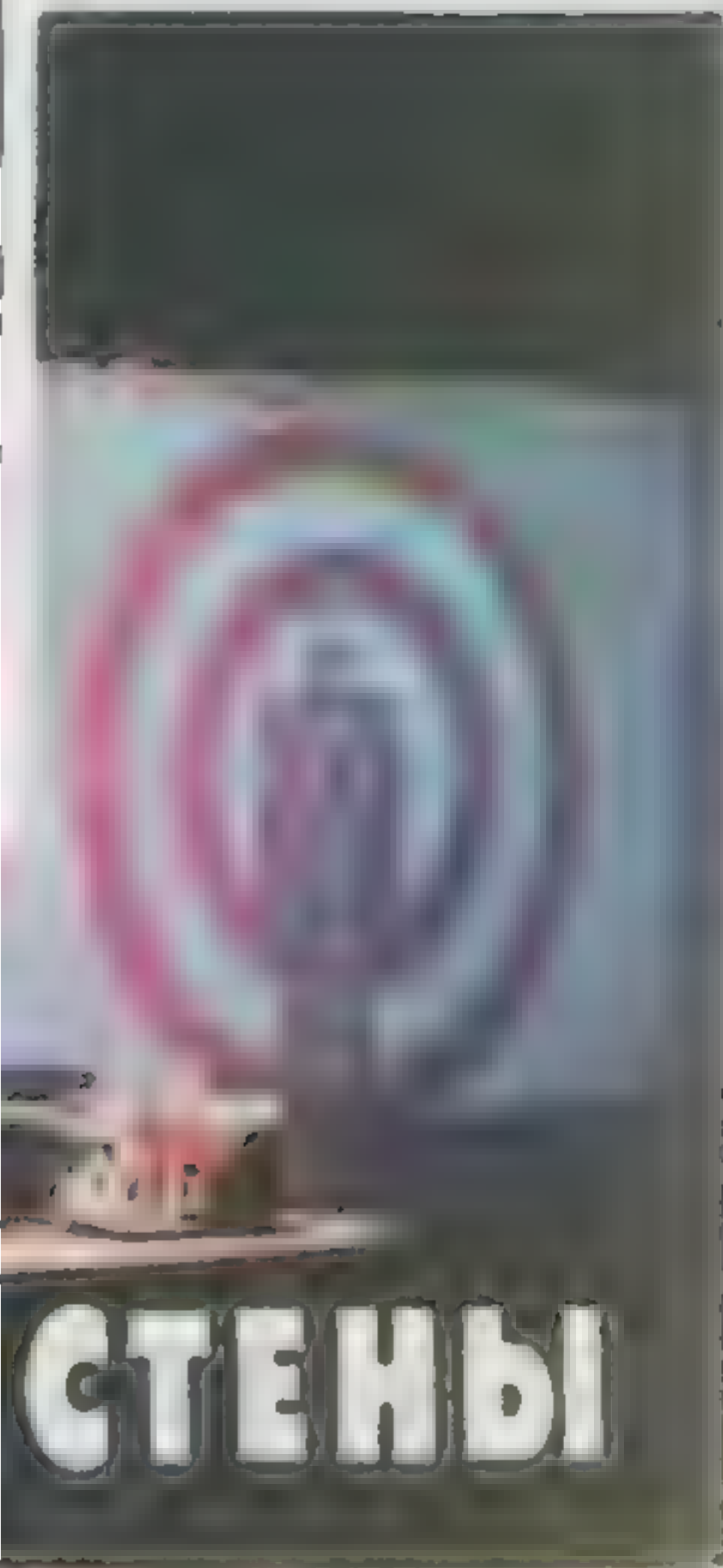
характерен для целого поколения настроенной западной интеллигенции. В начале 60-х годов группа «Пинк Флойд» сумела подняться до серьезного «миссакония» квинтетом — экспериментальным формообразованием. «Пинк Флойд» сумел подняться до серьезного «миссакония» квинтетом —

В первой половине 60-х годов жил в Лондоне человек по имени Сид Баррет — поэт, которого одолевала «космическая тема». Он писал стихи, в которых так или иначе варьировался сюжет о проникновении «вышних космических силами» своих поклонников на Землю — не то для того, чтобы спасти, не то чтобы разрушить этот плохо устроенный мир. Будучи же современником и соотечественником «Битлз» и «Роллинз», «Стоунз», поэт не мыслил себе жизни без гитары.

В 1965 году он присоединяется к трем бывшим студентам Лондонского политехнического института, которые пробовавали свои силы в рок-музыке. Роджер Уотерс играл на гитаре, Ричард Райт — на клавишных, Ник Мэйсон был ударником и занимался подбором звуковых эффектов. Придумав себе мудреное

название «Пинк Флойд» (они и сами не могли его толком объяснить), они начали выступать в 1967 м., заключив контракт с фирмой ЕМІ, стали записываться «Находки» — волнованные тогда изображение музыкантов, кажутся теперь наивными эксперименты с звуком, всяческие электронные трюки. Музыканты как бы стесняются мелодии — на отрывок, мелодически интересный, вдруг наплывает какофония «конкретной» музыки, бытовые шумы. Названия альбомов столь же чудные и непонятные, как и их содержание: «Волынышник у врат зари», «Полное блюдо секретов», «Аммагамма», «Атомносердцевая мама»... Это была сложность ради сложности, эксперимент ради эксперимента. Конечно, музыку невозможно описать словами, но все же попробуем — вот как выглядела одна из композиций «Атомносердцевой мамы».

Слышится звук капавшей из крана воды. Скрипит твердь, босые ноги ползают по подлым мутным спрессованному — некто бормочет, что «любит кофе и мармелад»; затем долго пытается разжечь газовую плиту — и в размеренное чирканье спичек врываются первые фортепьянные пассажи, похожие на те, к которым присоединяются гитары.

Флойд»). их музыка, безошибочно узнаваемая, — воспринималась как единая композиция. Но, самое главное, принципиально новыми стали тексты. Группа обратилась к сложным вопросам современной буржуазной действительности. Поэтому группы стал Роджер Уотерс.

«Пока ты молод, можешь позволить себе слушать, как время отсчитывает мгновения, и при этом просто нежиться на солнышке или наблюдать за дождем, укрывшись в доме, и ждать, пока кто-нибудь укажет тебе твой путь. Так незаметно пролетают десять лет, и вдруг обнаруживается, что ты просто не услышал выстрела стартового пистолета. А планы твои как были, так и остались лишь на бумаге: что у тебя есть? Несколько строк да неспетая песня?..»

Призыв к тем молодым, которые упивались мгновением, ведая лишь об одном — о собственном удовольствии и спокойствии, предварялся композицией Ника Мэйсона «Поговори со мной», в которой рассказывалось о том, что мир спокойных и удовлетворенных обступила плотная стена отчуждения, а за ней страх и ненависть, безрадостное, беспросветное существование.

Вторая сторона альбома начиналась со звуков, издаваемых кассовыми аппаратами, в него вплеталось характерное позвизгивание игрального автомата. Это была прелюдия к очень известной композиции ансамбля «Деньги».

«Деньги — тысяча и одно удовольствие, заработал — отдыхай, веселись, все блага земные к твоим услугам, только не трогай деньги толстосумов, ведь богатому тоже надо жить, — ему хочется сменить вагон первого класса на реактивный лайнер. Деньги — кровь; деньги — пот; деньги — вот корень зла, а ты попробуй попроси прибавку к жалованью — что из этого выйдет?»

Среди поклонников группы стало традицией рассуждать о полифонии ее звучания, об удачном использовании контрапункта, о сложнейшем музыкальном языке, который группа избрала. Но она создала также — и это неотъемлемый элемент их творчества — песни социального содержания.

«Мы люди-пешки, я и ты, но сами никогда, быть может, и не догадались бы об этом. Но однажды мы услышали команду «Вперед!» — и первые наши ряды пошли безропотно умирать... А Генерал, усевшись возле карты, рисует наши ряды то здесь, то там, то черным цветом, то голубым... И разве не ясно, что все эти сражения на пользу людям, которые именуют себя «деловыми»? Хотел бы я знать цену каждому глотку и куску, за которые умер этот старик...»

Таких ясных политических намеков эстетствующие поклонники не могли простить музыкантам. Их обвиняли в отходе от «настоящей» музыки и даже в политических спекуляциях. Но «Пинк Флойд» волновала лишь реальность. Хотя им еще было трудно решить, каков выход, здесь и бесконечные сомнения, и

призывы к бегству от действительности.

«Разлад с самим собой, безумные видения — и вот уж нет спасения даже дома в полночный час... Просторы земли тоже не приемлют тебя. Попытаться что-либо изменить?.. Никто тебя не услышит, ведь грохочет гром, сверкают молнии... Но, быть может, спасение там, на обратной стороне Луны?..»

Вот и объяснение названия альбома: музыканты указывали место, где ищут свою Утопию.

В августе 1975 года выходит альбом «Жаль, что тебя здесь нет». В музыкальном отношении первая сторона альбома представляла единую композицию под названием «Сняй, сумасшедший бриллиант», созданную Гилмором, Райтом и Уотерсом (название становится ясным из первых же строк: «Помнишь, когда ты был молодым, ты сиял как солнце?.. Теперь в твоих глазах выражение, похожее на «черные дыры» в космосе. Тебе лишь остается сиять как бриллиант!..»)

Одной из ведущих становится тема ушедшей молодости, но не пришедшей впамен мудрости, осознание ложности выбранного пути. Музыканты показали себя также тонкими, вдумчивыми инструменталистами, очень бережно, подчас скупо обращавшимися со всеми доступными им средствами. Создавая композиции для этого альбома, «Пинк Флойд» пришли в своих поисках к сонатной циклической форме. Однако, оставаясь приверженцами новейшей электронной и авангардной музыки, «Пинк Флойд» пошли по пути синтеза. Они сумели также обогатить современный рок достижениями музыкальной мысли прошедших столетий, и именно это выдвинуло их в ряд интереснейших музыкантов.

Роджер Уотерс говорил о взаимоотношениях музыканта и общества. Трактовались они весьма pessimistically. Тональность не только музыки, но и стихов стала во многом минорной.

«Ты был маленьким, играл как все дети. Потом вырос, купил гитару и стал сущим наказанием для мамы. Ты не любил ходить в школу, ты был уверен, тебя-то уж никто не надует. О чем ты мечтал? О том, что считалось престижным... Ты хотел стать «звездой», «идолом»... Кто они такие? Те, что здорово играют на гитарах, обедают в шикарных ресторанах, ездят на машинах марки «ягуар»... Вот я все! Если тебе этого достаточно — добро пожаловать в машину шоу-бизнеса».

Успех выдвинул их в ряд «суперзвезд». Это было тяжелое бремя. То, чего они сознательно сторонились с первых шагов своей музыкальной карьеры, вдруг превратилось в неуправляемую реальность: нездоровый ажиотаж, осадки со стороны журналистов, толпы поклонников, которые жаждут подробностей из личной жизни музыкантов. «Пинк Флойд» отказывались давать интервью, не соглашались позировать перед фоторепортерами, до минимума сокращали количество публичных выступлений.

ударник, потом орган. Все это звучит легко, весело, по-утреннему беззаботно... Участники завтрака не спеша беседуют о чем-то своем, непонятно звучит их речь... Но вот резко, настойчиво, опять-таки мажорно, врывается в эту беседу теперь уже ансамблевая вариация на главную тему. Она разрастается мощными аккордами... И, как бы возвращая нас на землю, слышатся кухонные шумы. Люди, видимо закончив завтрак, уходят, хлопнув дверью... Еще некоторое время капает вода.

Подобный «словесный портрет» их музыки, сама возможность такового описания лишь доказывают, что музыкой то, что создано было тогда ансамблем, назвать трудно. Они и сами это хорошо понимали и замолчали надолго, пока не начали что-то сказать.

Но вот в феврале 1973 года на музыкальных рынках Англии и Америки появляется новый альбом группы «Обратная сторона Луны». И сразу же успех и у слушателей, и у критиков. Музыка «Пинк Флойд» — а теперь это была действительно музыка (надо сказать, что еще в конце 60-х Сид Барретт из-за болезни ушел из группы, его место занял Дэвид Гилмор. Он и стал «основным» композитором «Пинк

Нервозность стала ощущаться во всем. в высказываниях музыкантов, в их песнях. Их терзала неудовлетворенность, они чувствовали свою зависимость от фирмы EMI, от устроителей концертов. И они замолчали.

Лишь два года спустя «Пинк Флойд» выступили с новым диском. Он назывался «Животные». Почти все композиции для него написал Роджер Уотерс. Создавалось впечатление, что поэт стал безоговорочным лидером группы.

Роджер Уотерс обратился вдруг к жанру басни. Все известные ему типы людей он упростил до трех образов: «собак», «свиней» и «овец».

Современное западное общество представляется Уотерсу огромным стадом, в котором «овцы» — безропотное большинство. Вместо традиционных антагонистов — «овец» и кровожадных «волков» — Роджер Уотерс предпочитает говорить о «свиньях» как о величайшем зле, обществом управляют даже не жестокие разбойники — «волки», а циничные, бездушные политики — «свиньи». Существуют еще люди-«собаки», соглашатели, которые руководствуются в жизни лишь корыстными мотивами. Важнее всего для них собственное благополучие и безопасность, а благополучие им обеспечивает их соглашательская позиция. Мысль Уотерса проста: именно при попустительстве «собак» осуществляется в западном обществе всеохватывающая несправедливость. Тексты песен были, безусловно, интересны, но в музыкальном отношении альбом был шагом назад по сравнению с их предыдущими работами.

.. Пройдет еще два года, прежде чем «Пинк Флойд» напишут музыку, которая достойно продолжит их собственные традиции. И вот в октябре 1979 года «Пинк Флойд» создают рок-оперу «Стена». Одновременно был разработан ее сценический вариант. После нескольких лет перерыва группа стала готовиться к гастролям.

Тема, к которой обратились «Пинк Флойд» на этот раз, является для западного искусства не просто разработанной, но даже традиционной. В творчестве многих американских и европейских художников образ «стены» — непреодолимой преграды или же защиты, укрытия — стал ведущим. Еще в 60-е годы кинорежиссер Микельанджело Антониони в своих фильмах обращался к этому образу как к возможной панацее, призванной уберечь человека. Так, в фильме «Красная пустыня» главная героиня Джулиана, женщина, обделенная участием и любовью близких людей, говорит своему другу: «Ты знаешь, чего мне бы хотелось?.. Чтобы все те, кто когда-нибудь любил меня, были бы сейчас здесь, рядом со мной, закрыли бы меня, как с т е н а». Но даже человек, влюбленный в Джулиану, остается равнодушным к ее смятению. Он не понимает, что источник ее недуга — одиночество. Антониони подчеркивал, что для него «гораздо важнее не столько анализировать взаимоотноше-

ния между героем и средой, сколько остановиться на самом герое, заглянуть в его душу». Таким образом, художник отказывается анализировать жизненные истоки, социальную биографию отчаяния, к которому склоняются его герои.

«Пинк Флойд», работавшие вместе с Антониони, несомненно, находились под влиянием эстетики этого талантливого и противоречивого мастера. Однако они пришли к выводу, что спасение не в поисках надежного, крепкого убежища.

«У меня есть все 13 каналов телевидения, и я чувствую, что стал обладать вторым зрением (лишь бы не отключили электричество!)».

Когда видения прошлого одолевают меня, я сажусь за рояль — и уношусь в мечтах высоко-далеко... Когда я послушен, они швыряют мне кусок посланье. Бывает, заносит под сердцем, но куда от этого денешься?

А если я захочу позвонить тебе — никого не окажется дома. И я снова вспомню, что мне даровано второе зрение — 13 каналов телевидения...

Протест против такого существования является первым шагом на пути разрушения уютных, но убогих скорлупок мешанского благополучия. Далее следует более решительный шаг: «Хотел бы я знать, не я ли был виноват во всем этом?» (песня «Стоп»).

Стремиться к гражданской бдительности — еще один шаг, который должен предпринять человек, обеспокоенный возрождением фашизма.

«Вспомни, разве ты не видел насмерть перепуганных людей? Разве ты не слышал рева падающих бомб?»

Ты говоришь, пожары отбушевали? Но ведь остались незаживающие раны.

Как же ты можешь хотеть покоя и укрытия?..»

Так, шаг за шагом музыканты подводят слушателя к идее, что быть «еще одним кирпичиком в стене» недостойно человека. Взорвав «стену» (в буквальном смысле: к концу спектакля воздвигнутая на сцене из белых пластиковых блоков-кирпичей стена рушится), «Пинк Флойд» вынесли приговор эстетике отчаяния и бегства от действительности.

В конечном счете на вопросы, которые ставили «Пинк Флойд», они пытались ответить сами: выход из самого трудного положения может быть найден только совместными усилиями. Возможно, этот ответ покажется до банальности простым: к чему были столь долгие поиски, чтобы прийти к такой очевидной мысли? Но не будем забывать, что общество, в котором живут и работают музыканты, бонитас и потому стремится затуманить смысл именно простых вещей. Объединение людей честных — вот что опасно для этого общества.

Разве не опасно, что «Пинк Флойд» участвуют в маршах против безработицы, в движениях «Рок против расизма» и «Рок против нейтронной бомбы»? Их работа продолжается.

В парикмахерскую вошел мужчина лет пятидесяти. Синкити видел его впервые. Клиент явно страдал печенью — лицо отдавало синевой. Уставившись неприятным, пристальным взглядом на Синкити, он уселся, слегка зевнул и прикрыл глаза. Видно, из тех, что засыпают, едва войдя в парикмахерскую, отметил про себя Синкити и спросил:

— Простор будем делать?

Клиент, не открывая глаз, утвердительно буркнул. Интересно, чем он занимается? Синкити нравилось угадывать профессии клиентов. Обычно он попадал в точку, но на сей раз чутье отказывало ему. Только что пробило два и, если мужчина обычный служащий, ему полагалось бы сидеть в конторе. Для пенсионера недостаточно стар. Для торговца слишком мрачен. Любопытство все сильнее распирало Синкити.

— Ужасно жарко сегодня, вы не находите? — сказал Синкити, чтобы завязать разговор.

— Угу, — промычал клиент.

— Я не помню, чтобы видел вас здесь раньше. Вы живете поблизости?

— Как сказать, — лениво выдавил незнакомец.

Синкити откашлялся.

— Извините за назойливость, кем вы работаете?

— А зачем это вам?

— Я старался угадать, однако не сумел. Обычно я безошибочно распознаю профессии клиентов.

— Что ж, вы скоро узнаете, кто я. Я буду приходить сюда часто.

— Вы очень добры, — Синкити вежливо склонил голову.

Покончив с прической, Синкити принялся за бритье.

— Парикмахерская полностью принадлежит вам? — спросил клиент.

— Жене и мне, — охотно ответил Синкити, тщательно выбривая щетину. Кожа была пористой и вялой. Такую трудно брить.

— Вам подправить брови?

— Угу. — Мужчина открыл глаза и в упор взглянул на парикмахера. — Вас зовут Синкити Номура?

— Да, — удивился Синкити. — А, вы же прочли табличку на дверях?

— Занем, я и так о вас все знаю.

— Но я вас никогда не встречал!

— А я знаю все. Например, три месяца назад вы сбили девочку грузовиком. У Синкити отвисла челюсть. Рука с бритвой застыла в воздухе.

— Бедная девочка умерла — Мужчина выговаривал слова медленно, будто наслаждаясь ими. — Да вы это сами знаете. Газеты-то потом как следует штудировали, а?

Синкити молчал.

— Полиция не нашла преступника. Решили, что свидетелей нет. Но один свидетель был. Я. Что с вами? Вы побледнели. Ну, ну, не надо так волноваться. Я пока не собираюсь идти в полицию. Брите же, пена высыхает.

Рис. Е. ГРИЧУКА

Шантажист

Рисунки

Кетаро НИСИМУРА,
японский писатель

— Простите, — тупо проговорил Синкити и поднес бритву к лицу клиента. Пальцы дрожали, и мужчина приказал:

— Повнимательнее, ну!

Синкити слотнул слюну. Пальцы одеревенели и почти не слушались. Клиент опять закрыл глаза.

— Грузовичок вы продали, так?

— Да.

— И правильно сделали. Так безопаснее.

— Послушайте — Синкити опустил руки и тоскливо уставился в зеркало. Чего вы от меня хотите?

— О чем вы?

— Вы пришли меня шантажировать? Веки мужчины дрогнули.

— Когда меня бреют, я люблю под ремать. Как сейчас. Уж вы поосторожней с бритвой.

Он умолк.

Спокойно, спокойно, уговаривал себя Синкити, прави о ремень бритву. Если бы этот тип хотел обратиться в полицию, зачем ему было ждать три месяца? Значит, шантаж. Синкити вспомнил фильм о шантажистах, который смотрел недавно. Добившись успеха однажды, они приходили еще и еще. Этот тип наперняка из таких. Он выждет все. Синкити закончил бритье и подронял усы.

— Недурно, — одобрил мужчина, разглядывая себя в зеркале. Вы парикмахером?

— Десять лет.

— Тогда я спокоен. Вряд ли вы можете разволноваться настолько, чтобы потерять твердость руки.

Он ухмыльнулся. Синкити молчал. Был момент, когда у Синкити мелькнула мысль полоснуть бритвой по горлу. Мелькнула и тут же пропала.

Да, вы отличный мастер — Клиент встал, продолжая смотреть на себя в зеркало. — Я теперь всегда буду бриться у вас.

Всегда?

— Конечно! Я хочу, чтобы мной занимался именно такой мастер, как вы. Сколько я должен?

— Четыреста иен.

— Так дешево за великолепную работу? — Он вынул из кармана листок, написал на нем: «400 иен» и протянул Синкити. — Так как отныне мне понадобится много расписок, я напечатал бланки в типографии.

На листке значилось: «Дана парикмахеру Номура» — и подпись: «Сабуро Игараси». Между двумя строками — место, чтобы проставлять сумму.

Итак, мужчину звали Сабуро Игараси. Но это уже не занимало Синкити. Его пугали набранные типографским способом иероглифы: «Дана парикмахеру Номура в том, что от него получено...» Заготовленные бланки расписок выдавали серьезность намерений мужчины. Он будет шантажировать и впредь. Сегодня сумма, какую мужчина проставил в бланке, составила 400 иен. Завтра эта сумма увеличится.

Синкити проснулся от кошмарного сна. Пять ночей подряд ему виделось

одно и то же вместе с женой и дочерью он просит на улице подаяние. Весь в поту, Синкити вскочил с кровати. Часы показывали полдень. Он забылся лишь под утро. И вот уже разгар дня. Какая может быть работа при такой жизни?

Наскоро умывшись, Синкити натянул белый халат. Жена, Фумико, уже работала — стригла кого-то из соседских ребят.

— Ты бы не вставал, раз неважно себя чувствуешь, — сказала жена.

— Ничего. Все в порядке.

— Но ты так стонал всю ночь!

В этот момент в парикмахерскую вошел тот. Фумико, выросшая в этом небогатом токийском районе, где и с незнакомым человеком здороваются как с добрым соседом, встретила гостя приветливой улыбкой. Мужчина сел в свободное кресло. Синкити понуро стал рядом и промямлил.

— Вам еще рано стричься.

Игараси закрыл глаза и, отделив одно слово от другого, произнес:

— Сегодня только побриться. Я мог бы и сам, но мне нравится ваша работа. Фумико тут же откликнулась:

— Спасибо за добрые слова о моем муже.

Клиент приоткрыл глаза.

— Это ваша жена?

— Да.

— Она не только хороша собой, но и, кажется, хорошая мастерица.

— Что вы! — засмушалась Фумико.

— Когда муж и жена работают вместе, дело всегда спорится.

Сердце Синкити екнуло. Он понимал, что кроется за этими комплиментами: раз оба работают, можно требовать больше денег. Фумико же весело рассмешалась.

— Да, кое-что удается откладывать!

Синкити съжился. Сейчас он ненавидел жену. Он наложил на лицо клиента горячий компресс. Если прижать салфетку как следует, этот тип задохнется... Он в рывком снял компресс.

Как и в первый раз, Игараси остался доволен работой и вынул из кармана расписку.

— Сколько за бритье?

— Двести иен.

— Ужасно дешево. — Он проставил в расписке цифры. Синкити увидел: «Пять тысяч двести иен». Игараси шепнул: — Жду в соседнем кафе.

Еще раз довольно взглянув на себя в зеркало, он степенно вышел из парикмахерской.

— Сволочь! — вырвалось у Синкити.

— Что случилось? — встревожилась Фумико. Она кончила стричь мальчика и угощала его конфетами.

Ничего, ничего, — затряс головой Синкити.

Девочка, которую он сбил машиной, была ровесницей его дочери. Синкити не хватит духу признаться жене в преступлении.

— Где Каору? — спросил он.

— Сейчас половина первого, — ответила жена. — Ты же знаешь, Каору до часу в садике.

— Да, да. Как это я забыл? — Синкити силился улыбнуться — Я отлучусь на минутку.

В кафе через три дома от парикмахерской было безлюдно. Игараси сидел в дальнем от входа углу. Он махнул Синкити рукой и пригласил его к столу. Наклонившись к нему, сказал:

— Хорошее кафе. Нам здесь будет удобно встречаться.

— Встречаться?

— Не хотите же вы вести наши дела на глазах у жены! Деньги захватили?

Синкити положил на стол пятидесятииенный банкнот. Хохотнув, шантажист поддел бумажку двумя пальцами и сунул в карман.

— Таким образом, я одолжил у вас пять тысяч шестьсот иен. Я занесу эту сумму в свою маленькую черную книжечку.

— Но ведь вы не собираетесь возвращать долг.

— Перестаньте грубить.

— Вы понимаете, что значат для нас эти деньги? Мы работаем вдвоем, но иногда за целый день не зарабатываем такой суммы.

— Вы трудный человек, — сокрушенно проговорил Игараси. — Или, может, хотите поторговаться о цене, за какую я соглашусь забыть об инциденте?

— Но девочка выскочила на проезжую часть улицы так неожиданно! Я нажал на тормоз. Однако было слишком поздно. Я ничего не мог поделать.

— Вы думаете, в полиции вам повелят?

— Но вы сами все видели. Вы-то знаете!

— Я не уверен, что все было именно так. А если я пойду в полицию и скажу, что вы гнали машину, не разбирая дороги?

— Скотина! — Синкити ударил кулаком по столу.

Игараси осклабился.

— Если позволите, я сам заплачу за свой кофе. У меня сейчас завелись денюжки, да и лень писать расписку на сотню иен.

Прошло пять дней, и он вновь явился в парикмахерскую. Фумико обрадовалась ему как постоянному клиенту. Теперь он дал расписку на тысячу двести иен. Судя по всему, в следующий раз сумма возрастет до двадцати тысяч. А там недолго и до разорения. Кошмарный сон оборачивался явью. Синкити весь извелся от этих мыслей. Не идти же в полицию. Тогда все откроется — и тюрьма. Что станет с женой и дочерью? И тут его осенило. У Игараси наверняка темное прошлое. Не попробовать ли разузнать о его делишках? И Синкити отправился к частному детективу, рекламное объявление которого отыскал в газете...

Игараси объявился через положенные пять дней. Потирая щетину, не спеша уселся в кресло. Из кармашка пиджака выглядывал уголок красного платочка.

— Надо же, — подивился он, — борода прет со страшной силой.

Еле сдерживая себя, Синкити наложил на лицо Игараси горячую салфетку. Затем отошел к телефону, набрал номер и, услышав голос детектива, сказал: «О'кэй. Пожалуйста» — и повесил трубку. Когда Синкити дернул с лица Игараси салфетку, тот глядел на него острыми колючими глазами.

— «О'кэй. Пожалуйста». Звучит как в фильмах про гангстеров — В тоне Игараси сквозила насмешка. — Наверное, этот звонок очень важен для вас?

— Я попросил в долг у приятеля. Ведь вы пришли опять за деньгами?

— Старый трюк.

— Что?

— Не заставляйте меня думать о вас плохо. Я взял у вас займы пятнадцать тысяч восемьсот иен. Легко прикинуть, что на вашем счете в банке должно быть двести или триста тысяч. Так что вам не зачем одалживаться у приятеля.

Синкити молчал. Он начал с силой водить бритвой по ремню. Игараси закрыл глаза и вроде задремал. «Он не поверил, что я звонил приятелю, — думал Синкити, — но и про детектива вряд ли догадывается. Ладно, скоро я ушаю о твоих грязных делах и заставлю вернуть деньги — все, до последней иены».

— Где ваша жена? — спросил вдруг Игараси, не открывая глаз.

— Обедает. — Синкити поднес бритву к лицу Игараси. — Мы едим по очереди.

— Лучше, если бы вы работали оба.

— Послушайте, вам мало, что вы шантажируете меня? Не трогайте хотя бы жену и дочь, или я убью вас! — Синкити почти приставил лезвие бритвы к глазам Игараси. Тот пренебрежительно окинул Синкити взглядом, посмотрел на сверкающую бритву.

— Я вас не шантажирую. Просто беру в долг. Даже расписки выдаю.

— Без малейшего намерения вернуть этот долг, — яростно прошипел Синкити. Но Игараси опять закрыл глаза.

— Хватит болтать. Брейте!

После бритья Игараси выдал расписку на двадцать тысяч двести иен и коротко бросил:

— Жду в кафе.

В кафе, как всегда, было пусто. Лишь за столиком у дверей, уткнувшись в газету, примостился детектив. Синкити подошел к Игараси, протянул деньги и сказал:

— Берите и убирайтесь. Мне противно вас видеть.

— Полегче, полегче, — ухмыляясь, ответил Игараси и встал. — Нам предстоит общаться еще долго.

Детектив выскользнул из кафе вслед за Игараси.

Минуло три дня. Позвонил детектив. Синкити встретился с ним в кафе. Детектив с гордым видом вынул из портфеля блокнот и похлопал ладонью по глянцево-обложке.

— Здесь все, что имеется за душой у Сабуро Игараси.

Синкити заерзал от нетерпения.

— Ему пятьдесят три года. Киноактер. Точнее, бывший киноактер. Сыграл в нескольких телефильмах. Мелкие роли. Убийцы, шантажисты. Типаж как раз подходящий.

Итак, Игараси решил проделать в жизни то, что изображал на экране. Синкити вспомнил, как Игараси оглядывал себя в зеркале: словно актер, довольный ролью.

— Играл он плохо, — продолжил детектив. — Его приглашали все реже. Он любил кино, но таланта маловато. Вот и кончилась карьера.

— Значит, у него нет денег?

— Никаких доходов. Что может делать состарившийся актер?

— У него есть семья?

— Жена чуть моложе его. Сын. Только что поступил в университет.

— Как может человек без гроша в кармане держать сына в университете?

— Жена работает на дому. Кое-как перебиваются.

Сведения, добытые детективом, повергли Синкити в панику. Человек без средств к жизни, да еще отправивший сына в университет, захочет отобрать у Синкити все деньги.

— Совершал ли Игараси преступления? — с затаенной надеждой спросил Синкити.

— Ни одной судимости. Не было даже приводов в полицию, — ответил детектив. — Я разговаривал со многими актерами, кто снимался вместе с ним. Все утверждают, что, хотя Игараси играл злодеев, сам он бесконечно добрый человек, неспособный на дурное.

Бесконечно добрый человек... Это же надо!

— Кстати, сегодня по телевидению покажут фильм, снятый лет десять назад. В нем занят и Сябуро Игараси. Фильм называется «Убить злодеев».

За работу детектив взял десять тысяч иен. Собранные им сведения не подсказывали Синкити никакого способа избавиться от шантажа.

Вечером Синкити уселся перед телевизором. Фильм оказался банальной уголовной драмой. Игараси играл жестокого ростовщика, который шантажировал героиню и хотел сделать ее своей любовницей. Играл он отвратительно. Актриса, исполнявшая роль героини, была не лучше. Синкити выключил телевизор.

Прошло еще пять дней. Синкити ждал, что придет Игараси и потребует сорок тысяч иен, вдвое больше, чем в предыдущий раз, но тот не появился ни днем, ни вечером. За ужином Синкити развернул газету и увидел фотографию Игараси. Под ней подпись: «Пострадал, спасая ребенка». На снимке Игараси с забинтованной ногой гладит по головке маленькую девочку. В сообщении говорилось, что Игараси бросился на мостовую и выхватил девочку из-под колес автомобиля. Репортер привел

его слова: «Я сделал это не задумываясь, как сделал бы на моем месте любой».

А что, если этот случай так подействовал на Игараси, что он теперь оставит Синкити в покое? Увы, уже на следующий день синеватая физиономия Игараси замаячила в дверях парикмахерской.

— Вы, конечно, решили, что я погиб во время вчерашнего происшествия? — насмешливо спросил Игараси. Синкити молча орудовал бритвой. — Зря решили. Я здесь, и я здоров.

Синкити собрался с духом и сказал:

— Сколько вы еще намерены мучить меня?

— Всю мою оставшуюся жизнь. Как и вы меня.

— Как я?! — вскричал Синкити, но сразу умолк. Фумико, работавшая за соседним креслом, удивленно обернулась в его сторону.

Игараси закрыл глаза. Он улыбался. После бритья он жестом фокусника, извлекающего из шляпы голубя, вынул расписку. Синкити ахнул: «Сорок тысяч двести иен»...

В ту же ночь он сказал жене, что хочет перебраться на новое место, и немедленно. Впервые в жизни он накричал на Фумико, не зная, как объяснить ей это бегство.

— Ты боишься человека, который в последнее время приходит к нам?

— Нет! — отрезал Синкити и отвел глаза. Фумико больше не задавала вопросов.

Они переехали в пригород. Синкити не знал иной профессии и снова открыл парикмахерскую.

Когда парикмахерская была полностью оборудована и Фумико, освободившись наконец, в первый раз повела Каору в новый детский сад, усталый Синкити расположился в кресле перед зеркалом и предавался невеселым размышлениям. Вымогательство Игараси и переезд съели почти все сбережения. Мечта о собственной парикмахерской растаяла, как дым. Кто-то открыл дверь за спиной Синкити. Он радостно обернулся к первому клиенту. В дверях стоял Игараси.

Окинув взглядом парикмахерскую, Игараси равнодушно произнес:

— Долго же я вас разыскивал.

В Синкити все кипело. А Игараси сел в кресло и непринужденно обронил:

— Побрейте, как всегда. Я приготовил расписку.

Синкити молчал.

— Что же вы? Я жду.

Словно заведенный, Синкити вскочил с места. Схватил горячую салфетку. Наложил ее на ненавистное синее лицо. Когда он убрал салфетку, то увидел широко раскрытые глаза Игараси.

— Вы, по-моему, утомлены, — сказал Игараси. — Лечиться надо, если больны. Вы очень дороги мне.

— Заткнись! — заорал Синкити. Бритва дрожала в его пальцах.

— Что с вами? — миролюбиво продолжал Игараси. — Ведь мы опять вместе. Я хочу вам счастья. Теперь мы будем вместе всегда. Ну, улыбнитесь, дорогой Синкити. Ваша работа так нужна людям.

Синкити почернел от ярости. Пот градом лил по лицу.

— Ты скотина! — прохрипел он.

— Зачем же так грубо? В конце концов, я такой же, как и вы. — Игараси говорил безмятежным тоном. — У вас на лице страх. Я вижу: страх. Сегодня годовщина, как вы убили маленькую девочку. Вот отчего вы не в настроении.

Внезапно Синкити перестал слышать Игараси. Он видел только шевелящийся рот. Синеватая кожа вокруг губ сжималась и разжималась, словно студенистое тело червяка. Дрожь отвращения сотрясла Синкити. Он вспомнил, как в детстве раздавил червя. Перед ним был червь. Если раздавить его, брызнет сняя жижка. Наступить на червяка! Нет! Перерезать! Червяк извивался, полз. Рука Синкити потянулась к бритве.

...Красное пятно расплылось перед взором Синкити. Пальцы уже не держали бритву. Яркая кровь текла по лезвию.

— Сюда! На помощь! — Голос сорвался, Синкити не кричал, а сипел. Кровь все гуще лила из горла Игараси. Лицо серело.

— Скажите им, что я дернулся. Скажите... Дернулся... — Игараси захрипел и, распрямившись в кресле, умолк.

Синкити арестовали по подозрению в убийстве. Но потом обвинение было изменено: «Непредумышленное убийство в результате небрежного выполнения обязанностей». Полиция не нашла мотивов для убийства. До ее прихода Синкити уничтожил расписку — и те, что были у него, и те, что он нашел в кармане у Игараси.

— Я как раз выбривал горло, как он дернулся, — объяснил полиции Синкити. Он вспомнил последние слова Игараси: «Скажите им, что я дернулся». Однако почему, почему шантажист сам подсказал ему путь к спасению?

Приговор гласил: год тюремного заключения с трехлетней отсрочкой. Сам Синкити удивился снисходительности суда. Он оставил парикмахерское дело (когда брал в руки бритву, ему мерещилась на лезвии кровь) и решил вернуться на старое место и наняться на стройку рабочим. Фумико и Каору принялись готовиться к переезду.

Сборы были в разгаре, когда пришла какая-то женщина средних лет. Ни Синкити, ни Фумико не знали ее. Женщина представилась: «Кёко Игараси». Синкити побледнел.

— Вы пришли обвинить меня в смерти вашего мужа?

— Нет, — тихо ответила женщина. —

Мы разбирали его бумаги и нашли письмо, адресованное вам.

Она сунула в руки Синкити толстый пакет и тут же ушла. Синкити вскрыл конверт и прочел:

«Я пишу Вам потому, что не знаю, когда Вы меня убьете. Как актер я провалился. Уже никто не приглашает меня ни в кино, ни на телевидение. Для меня все кончено, хотя мне всего 53 года. Будь я одинок, все решилось бы просто: я покончил бы с собой. Но у меня жена и сын, который только что поступил в университет. Я должен оставить им достаточно денег.

По счастью, я застрахован. На пять миллионов иен. С такими деньгами двоим можно жить в полном достатке очень долго. Но в случае самоубийства страховка не выплачивается. А я здоров, если не считать печени. Если мне суждено умереть своей смертью, то это будет смерть вместе с женой и сыном от голода. Единственное, что их спасет, — моя гибель в результате несчастного случая или от руки убийцы.

Я оказался свидетелем того, как Вы сбили девочку, и разыскал Вас по номеру машины. Почти три месяца я не решился причинить зло незнакомому человеку. В конце концов я уговорил себя, что Вы такой же злодей, как и я. Вы же сбили девочку и скрылись.

Кое-что еще останавливало меня. Я сомневался в своих актерских способностях. В фильмах я играл злодеев, но играл так плохо, что зрители смеялись над моими героями, вместо того чтобы бояться их. А вдруг, думал я, и Вы не испугаетесь шантажа и тоже станете смеяться? Но Вы испугались. Смешно, но факт: за тридцать лет я так и не сумел хорошо сыграть на экране шантажиста, а в жизни эта роль получилась у меня прекрасно.

Постепенно я понял, однако, что Вы не такой уж плохой человек. Вы — обычный. И я стал мучиться оттого, что толкаю Вас на преступление. Поэтому я и бросился под машину, якобы спасая девочку. В действительности я хотел совершить самоубийство. Погибни я тогда, страховая компания выплатила бы моей семье деньги. К несчастью, я не умер.

Вы остались, следовательно, моим последним шансом. Я продолжал шантажировать Вас и удваивал суммы денег, чтобы вызвать Вашу ненависть. Рано или поздно Вы убьете меня. И если я умру от Вашей бритвы, я буду счастлив. Я смогу оставить пять миллионов иен жене и сыну, которые слишком долго страдают от того, что я неудачник. Кроме того, моя последняя роль сыграна поистине прекрасно.

Простите меня, прошу Вас.

В конверт я вкладываю деньги, которые получил от Вас на сегодняшний день: 76 200 иен, включая 1200 иен за бритву и стрижку».

Перевел с японского
В. ЦВЕТОВ

Мой отец всегда любил вестерны. А я их терпеть не мог. А отец был настоящим вестерноманом. Если по телевизору передавали вестери, отец поудобней устраивался в кресле, расстегивал воротничок, снимал туфли и медленно, бесстрашно... погружался в сладкий сон. Думаю, покой ему давала уверенность в том, что в конце фильма хороший парень всенепременно убьет плохого парня.

Только сейчас я начал понимать своего отца. Произошло это потому, что я и сам стал вестерноманом. Но еще полгода назад я таковым не был. А сейчас я попался. Я смотрю их все подряд: хорошие, плохие и никакие. И, кажется, догадался, что так привлекало и успокаивало моего отца: законченность, завершенность формы.

Отсмотрев свою долю сложных психологических драм, персонажи которых окрашены во все оттенки серого цвета (так же, как и их полупоступки и интерьеры, в которых эти полупоступки полусовершаются), я возжаждал старого доброго вестерна... Четко очерченные роли, простые мотивы, сильные желания и ясные решения, принимаемые в суровых обстоятельствах столетней давности. Отлично! Черное и белое, хотя и в цвете.

Образ канонического ковбоя сложился еще в золотой век Голливуда. Добродетельный, романтически одинокий, хитрый, но отнюдь не злобный, и к концу всегда победитель, он защищал общину от тех, кто поставил себя вне закона, и от злонамеренных индейцев, разумеется.

Ковбою было положено всегда иметь при себе эдакую шестизарядную штучку, которую он, правда, никогда не выхватывал первым: по закону вестерна первым должен был схватиться за оружие тот, «плохой». Наш герой не любил стрелять попусту, но отлично знал, как это делается, и пользовался своим умением исключительно во имя утверждения мира и справедливости на Диком Западе.

В «Дестри скачет вновь» — пародии на вестерн, в которой играют Джеймс Стюарт и Марлен Дитрих, — есть символический момент, а именно: шериф заштатного городка, жителей которого от мала до велика отличает полное пренебрежение к закону, отказывается носить оружие, мотивируя эту причуду тем, что его отца, тоже шерифа, в свое время убили выстрелом в спину.

Упоминание о подобном обстоятельстве необычно для вестерна, но зато отражает реальную обстановку на Диком Западе. К тому же настоящий ковбой отнюдь не был WASP — «белым

протестантом англосаксонского происхождения», каким его рисует Голливуд. Начать с того, что примерно четвертую часть ковбоев составляли негры. И хотя ковбойский миф основан на действительных историях — иногда в кино ковбоев даже играли самые настоящие ковбои, — все же экран сильно приукрасил действительность. (Например, знаменитый ковбой «Козел» Билли на самом деле был слегка придурковатым. Но никто не осмеливался изобразить его таким в многочисленных кинолентах.)

Или вот классический вестерн «Моя дорогая Клементина», созданный известным режиссером Джоном Фордом. В этом фильме Генри Фонда играл Уайатта Эрпа, вполне реальное лицо (Уайатт Эрп умер естественной смертью, заметьте, но перед тем успел самолично рассказать свою жизнь режиссеру). Эрп сражается с бандой злодея Клэнтона и, конечно, побеждает. Генри Фонда играет своего героя так, что, кажется, над его головой вот-вот засияет нимб святого: такой он хороший-хороший.

Однако все это обыкновенная брехня. Люди Эрпа были такими же преступниками, как и люди Клэнтона: на самом деле просто враждовали две банды. Но Эрп прожил достаточно долго, чтобы успеть перелицевать и подкрасить свою жизнь.

Но даже если знать и помнить, что миф вестерна на самом деле является всего лишь мифом — во всех смыслах этого слова, — от этого он не становится менее злобным. Вестери — это убаюкивающая сознание колыбель нации, это идеализированная история Америки. Законченность формы, патетическая выпренность повествования, подобно магической рифме стиха, создают убаюкающий душу ритм, некое моральное удовлетворение. Невозможный вывод всякого вестерна: некто поступает дурно, но справедливость должна восторжествовать. Чем глубже ощущение творимой несправедливости, тем острее и радостнее переживается момент реванша, причем удовлетворение от свершившегося возмездия наступает в самый последний момент. Таково требование жанра.

В фильме «Шэйн» герой, шеголеватый стрелок (в белом), прибывает в небольшой городок, чтоб защитить поселенцев от нападающих на них злодеев. И поселенцы, и Шэйн, и даже злодеи — все показаны с симпатией. Но затем наемный убийца убивает одного из жителей городка. Жертва медленно оседает на грязную, пыльную улочку, затем похороны под печальным, пронизывающим дождем.

Следуя непреложным законам вестерна, Шэйн убивает злодея, зло наказано, но то, что Шэйн отвечает насилем на насилие, даже восстанавливает против него жителей городка, хотя наказание зла предусмотрено протоколом. И зрители и жители экранного городка прекрасно понимают, что именно так и должно было случиться. Но...

Пол РЭМБЕЛИ,
американский журналист

Вот тут-то и начинается сбой от мифа к реальности, к реализму: Шэйн не вознагражден, он уезжает, и не в закат, как положено, а в темную, паршивую ночь.

«Шэйн» был первым из серии так называемых «сумеречных вестернов» — вестернов, в которых был хотя бы намек на то, что происходило в действительности. «Сумеречные вестерны» с их заброшенными, полуразрушенными салунами, с их грязными улицами, не очень-то красивыми жителями — все это повлияло потом на фильмы итальянского режиссера Серджо Леоне.

С самого начала кинокритики проклинали Леоне на том основании, что его вестерны якобы неправдивы. А на самом деле Леоне знал о Диком Западе и о вестернах куда больше, чем большин-

ство американских режиссеров. В выступлениях критиков не было произнесено слово «еретик», но оно четко угадывалось. Запад, показываемый Леоне, был не тем Западом, который они хотели знать, — он был слишком жесток, слишком нецивилизован. Вот что говорит сам Леоне:

«Человек Запада не имеет ничего общего с человеком, нарисованным голливудскими режиссерами и сценаристами. Этого бледнее белого противника зла не существовало — так же, как не существовало чернее черного злодеев и краснее красного индейцев, которые просто дневали и ночевали на тропе войны. Некоторые могут сказать, что типажи, маски вестерна взяты из реальной жизни: неподкупный шериф, чу-

даковатый судья, содержатель салуна, наивная девушка и т. д. Все эти маски участвовали в бесконечных перипетиях, и это был Дальний Запад в интерпретации Диснейленда.

Реальный Запад был миром насилия, страха и грубых инстинктов. И когда люди упрекают меня в том, что мои фильмы слишком пессимистичны, я отвечаю рассказом о жизни одного из самых знаменитых, бледнее белого героев ковбойской мифологии. Героя этого зовут... Уайатт Эрп. На его счету смерть более чем полутора сотен человек, и большинство из них убито выстрелом в спину! Именно подобным образом убивали людей на Западе. Если кто и пытался быть благородным в ковбойском мифическом смысле, хотя я вообще не верю в реальное существование этих благородных, он тут же оказывался на кладбище еще до того, как совершал какой-либо героический поступок... Закон принадлежал тем, кто был более сильным, более жестоким и более циничным».

Одного из таких — настоящих — «героев» Запада Леоне показал в своем фильме «Сиромытная плеть». Его зовут «Человек без имени», и он да, побеждает бандитов, но только для того, чтобы завладеть золотом главаря шайки.

«Человек без имени» был антитезой традиционному ковбою. А в фильме Леоне «Однажды на Западе» Генри Фонда, всегдашний вершитель добра, играет хладнокровного детоубийцу, хотя сам фильм развивается по всем вестерновым канонам. Этот вечный герой, идеал женщин и подростков — и вдруг злодей! Одной такой перестановкой актера Леоне добился того, что фильм его стал настоящим противоядием всему традиционному вестерну.

К сожалению, я принял противоядие еще до того, как выпил яд. Этим и объясняется мое недоверие к голливудской версии американской истории.

Но как бы Леоне ни бился, вестерномания неизлечима. Правда, вестерн приобрел новые формы: например, превратился в фильмы о галактических войнах, о пришельцах, о каратэистах и так далее. Все то же самое, хотя зло зачастую имеет нечеловеческое лицо. Но герой-победитель все равно всегда в белом. Все та же комедия — или трагедия? — масок.

А не кажется ли вам, что каждые четыре года вся Америка участвует в колоссальном общенациональном вестерне? Хорошего парня в белом зовут Президент.

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

AFRICA

О ЧЕМ ТЫ МЕЧТАЕШЬ!

Антар Катара МБЕРИ,
американский поэт

Я мечтаю о странах, живущих в мире,
о пяти континентах, не прячущих за спиной
бомб и холодных войн.

О чем ты мечтаешь!

Я мечтаю о подошвах,
целых, не стертых до дыр,
о ботинках, не залитых кровью,
о садах, не отравленных химикатами,
о будущих матерях,
о праздничном перезвоне.

О чем ты мечтаешь!

Я мечтаю о песне людских сердец,
о лугах, где гуляют влюбленные пары,
о земле без погон и сапог,
о глазах, в которых никогда
не отразятся штыки.

О чем ты мечтаешь!

Я мечтаю о талисманах,
бережно хранимых друзьями,
о школьных автобусах
со счастливыми лицами в окнах.

О чем ты мечтаешь!

О солдатах, пришедших домой навсегда,
о свежем хлебе в щедрой печи доброты,
о спокойно уснувших детях,
о женщинах, согретых теплом любящих глаз,
о нескончаемом полете к звездам.

О чем ты мечтаешь!

Перевел с английского Р. ДУБРОВКИН

Материал о творчестве Антара Катара Мбери
прочитайте в номере на стр. 19.